

LEYLA B. WILDE

СТЁРТАЯ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛИТРЕС: САМИЗДАТ

18+

#ТРИЛЛЕР #ЛЮБОВНЫЙ РОМАН #ОДЕРЖИМОСТЬ

Leyla B.Wilde

СТЁРТАЯ

<https://litres.ru/73915879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юля «Fire» знала, что Артём Викторович Громов опасен, но не подозревала, что он может быть всемогущим. Он не просто запер её в «золотой клетке» своего пентхауса — он стер её из реальности. «Проект Лазарь» запущен: родители оплакивают пустой гроб, документы подтверждают её смерть, а на шею застёгнут платиновый чокер с датчиком слежения.

Она попыталась сбежать. Она поставила на карту всё, оставив на снегу свою кровь и след от укуса на его шею. Теперь на окнах — стальные решётки, на ноге — гипс, а в глазах Громова — безумная одержимость, которая пугает сильнее смерти. У неё остался только один козырь — папка с правдой, спрятанная в тёмном лесу. Но успеет ли она забрать свою жизнь до того, как Громов окончательно приручит её пламя?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	50
Глава 4	72
Глава 5	101
Глава 6	126
Глава 7	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Leyla B. Wilde

СТЁРТАЯ

Глава 1

**«Для этого мира ты больше не существуешь.
Твоё имя — пепел. Твоё будущее — Я.»**

Глава 1: Лёд и Пламя

Холод шёл от окна.

Юля чувствовала его спиной — колючий, ноябрьский. Он просачивался сквозь тонкое стекло старого деревянного окна, которое дребезжало от каждого порыва ветра, и лез под свитер — дешёвый, растянутый, купленный в секунд-хенде за пятьсот рублей. Шерсть кололась. Воротник натирал шею. Но снимать его было нельзя — в этой старой обшарпанной панельной пятиэтажке батареи топили на полную, но стены всё равно промерзали насквозь, холод сквозил из стыков, и без свитера она бы просто замёрзла.

Она сидела на подоконнике в своей комнате, поджав под себя ноги, и смотрела на экран смартфона.

Он полыхал алым.

Сотни уведомлений. Одно за другим. Лавина комментариев, лайков, репостов — всё наваливалось друг на друга, превращая тихий вечер в цифровой ад. Телефон вибрировал

в ладонях не переставая, и от этой вибрация передавалась по рукам, по запястьям, оседала где-то в груди тревожным гулом.

На столе рядом стоял стакан чая. Дешёвого, пакетированного, того самого, что продаётся по пятьдесят рублей за пачку в «Пятёрочке». Он давно остыл. На поверхности плавала тонкая маслянистая плёнка. Юля пыталась допить его уже третий раз за вечер, но каждый раз, поднося стакан к губам, ставила обратно. Не лезло. Горло было сжато в комок.

В тусклом свете единственной лампы — жёлтой, мигающей, потому что патрон разболтался, и его надо менять, но на это нет денег — её рыжие волосы отливали медью. Они рассыпались по плечам огненным ореолом, пряди падали на лицо, лезли в глаза. Она раздражённо откидывала их назад, но они снова падали. Резинка, державшая хвост, треснула ещё утром, едва держалась, а новой не было.

Пальцы нервно барабанили по холодному стеклу. Указательный. Средний. Безымянный. Указательный. Средний. Безымянный. Прежде чем снова схватить телефон.

Экран осветил её лицо холодным белым светом, и она увидела своё отражение в тёмном стекле окна. Бледная. С тёмными кругами под глазами. С напряжённо сжатыми губами.

Со взглядом, в котором горело что-то яростное, отчаянное.

Она выглядела как человек, который слишком долго не спит. Который вкладывает в борьбу больше, чем у неё было

сил.

Всё началось с её поста.

Она писала его час. Перечитывала. Правила. Удаляла и писала снова. Вкладывала в каждое слово всю себя — без остатка, как всегда. Потому что не умела иначе.

Юлия_Fire: «Мы не имеем права проходить мимо! Тишина — это соучастие. Каждый рубль, каждый час вашего времени — это шанс для тех, кого общество предпочло не замечать. Не отворачивайтесь. Не молчите. Будьте людьми, чёрт возьми! Пока мы спорим в комментариях, кто-то мёрзнет на улице. Кто-то умирает от голода. Кто-то теряет последнюю надежду. И это — на нашей совести».

Сердце ухнуло вниз, когда она нажимала «опубликовать». Пальцы дрожали. Во рту пересохло. Она всегда так реагировала — будто от её слов реально зависела чья-то жизнь.

Потому что так оно и было.

Она отложила телефон. Ждала. Секунда. Две. Пять. Десять.

Первые лайки появились через минуту. Потом комментарии. Добрые, поддерживающие. «Юля, ты вдохновляешь», «Спасибо, что ты есть», «Перевела 500 рублей. Это всё, что могу сейчас».

Она выдохнула. Улыбнулась — устало, но искренне. Это работало. Люди откликались. Может быть, не все. Может быть, не так много, как хотелось бы. Но хоть кто-то.

А потом пришёл он.

Уведомление всплыло на экране внезапно, разрезая тёплую атмосферу комментариев, как нож.

Obsidian: «Очередная порция розовых соплей».

Юля замерла. Прочитала ещё раз. Сердце ухнуло вниз. Она открыла комментарий полностью.

Obsidian: «Юля, ваша эмпатия — это просто способ потешить эго. Вы кормите следствие, а не причину. Даёте рыбу голодному, а не учите его ловить. Мир — это естественный отбор, а вы лишь затягиваете агонию тех, кто не приспособлен выживать. Оставьте этот пафос для подростков с наивными иллюзиями. Вы взрослая женщина. Пора бы понять, как устроена реальность».

Она прочитала это раз. Другой. Третий. С каждым разом что-то внутри сжималось сильнее. Не от обиды. От ярости.

Кровь прилила к лицу. Она почувствовала, как загорелись щёки, как уши стали горячими, как пальцы сжались так сильно, что костяшки побелели, а телефон затрещал в руке.

Этот человек — этот Obsidian — появлялся под каждым её постом уже третью неделю. Вначале она игнорировала. Потом пыталась отвечать спокойно, рационально, объяснять свою позицию. Не работало. Он не спорил. Он разрушал. Её идеи. Её веру. Её саму. Каждое его слово было хирургически точным — оно находило самое больное место и вонзалось туда, как скальпель.

И хуже всего было то, что он делал это красиво. Грамотно. Аргументированно. Так, что даже её подписчики начинали

сомневаться.

Юля попыталась выдохнуть. Сделать паузу. Досчитать до десяти. Не ответить сгоряча. Не вышло. Пальцы уже летели по экрану.

Юлия_Fire: «Вам, видимо, уютно в вашей циничной норе, Obsidian. Легко рассуждать об отборе, когда сидишь в тепле за экраном монитора. Вы не человек. Вы статистическая ошибка с каменным сердцем. Идите к чёрту со своим “реализмом”. Реализм — это не синоним жестокости. Это просто удобное оправдание для тех, кто слишком труслив, чтобы попытаться что-то изменить».

Она нажала «отправить» так резко, что телефон едва не выскользнул из рук. Внутри всё кипело. Адреналин разгонял кровь. Где-то в груди разрастался горячий, пульсирующий ком — смесь ярости и чего-то ещё. Чего-то, чему она не хотела давать имя.

Ответ пришёл через тридцать секунд. Как будто он сидел и ждал. Как будто он знал, что она не сдержится.

Obsidian: «Я — реалист. А вы — опасная идеалистка, которая ведёт людей в никуда красивыми словами. Ваша „яркость“ слепит вас саму. Она мешает увидеть, что вы не решаете проблему. Вы создаёте зависимость. Делаете из людей попрошаек, которые будут тянуть руку за подачкой вместо того, чтобы встать на ноги. И однажды вы сгорите заживо, поверив в собственную ложь. А те, кого вы „спасли“, останутся у разбитого корыта».

Юля усталилась на экран. Горло пересохло. Дыхание сбилось.

Слепящая яркость.

Он снова использовал это слово. Её никнейм. Её суть. То, во что она верила. Он взял это и превратил в оскорбление.

— Да кто ты такой? — прошептала она в пустоту комнаты.

Голос прозвучал хрипло, сорвано. Она не узнала его.

Телефон задрожал в руке — новая волна уведомлений. Её подписчики ринулись в бой. Кто-то вставал на её сторону. Кто-то — на его. Комментарии множились, как раковые клетки.

«Она права, вы просто бездушный циник!», «Obsidian говорит правду, посмотрите на её статистику сборов — копейки!», «Юля, не ведитесь на тролля! Он провоцирует», «Наконец кто-то сказал в глаза этой истеричке то, что все думают».

Экран мерцал. Вибрация не прекращалась. Юля смотрела, как цифра уведомлений росла — 50, 70, 100 — и чувствовала, как это всё заползает ей под кожу, впивается в мозг, не даёт дышать.

Она швырнула телефон на кровать. Он глухо стукнулся о покрывало, отскочил, покатился к краю и застыл там, экраном вверх. Даже оттуда она видела, как вспыхивают новые уведомления — красные точки одна за другой. Но она больше не смотрела.

Юля встала с подоконника. Прошла по комнате. Четыре

шага до противоположной стены. Развернулась. Четыре шага обратно.

Пальцы дрожали. Не от холода. Не от ярости. От чего-то другого. От странного, жгучего, почти стыдного желания доказать ему. Доказать, что она не просто шум. Не никто. Не наивная дура в розовых очках. Что она — сила.

Она остановилась у окна. Прижалась лбом к холодному стеклу. Закрыла глаза.

Представила его. Человека, который пишет такие слова. Холодный. Высокомерный. Где-то далеко, в тёплом офисе или дорогой квартире, сидит за компьютером и развлекается, разрушая чужие надежды. Скорее всего, мужчина средних лет. Лысеющий. Разочарованный. Который когда-то сам во что-то верил, но мир сломал его, и теперь он мстит всем, кто ещё верит.

Жалкий.

Она сжала кулаки. Ногти впились в ладони — больно, до красных полумесяцев.

— Ты ещё пожалеешь, Obsidian, — прошептала она в темноту за окном. — Клянусь, ты пожалеешь, что связался со мной.

Слова прозвучали как клятва. Как угроза. Как обещание. Она не знала, что этот момент станет началом. Началом войны, которая сожжёт её дотла.

Час спустя Юля влетела в коридор волонтерского центра «Тепло».

Двери хлопнули за спиной — громко, гулко, эхо разнеслось по бетонным стенам и ударило в потолок. Её собственные шаги стучали по линолеуму — быстро, отрывисто, нервно. Дыхание сбивалось. Она опоздала на планёрку. Всё из-за этой перепалки. Из-за этого Obsidian, который отравил ей весь вечер, заполз в голову и не выходил оттуда.

Обычно она выглядела собранной даже в простом: аккуратный хвост, строгие чёрные джинсы, футболка с логотипом центра, лёгкий макияж — ровно столько, чтобы выглядеть профессионально. Сейчас всё пошло прахом. Волосы вырвались из ослабевшей резинки и рассыпались по плечам огненным, неукротимым ореолом. Щёки пылали — то ли от быстрой ходьбы по холоду, то ли от всё ещё неостывшей злости. Ярко-зелёные глаза метали молнии. Губы сжаты в тонкую линию. Куртка расстёгнута, шарф сбился набок.

Любой, кто взглянул бы на неё в этот момент, подумал бы: вот она — сама стихия огня в человеческом обличье, вышедшая из-под контроля.

— Юля, там совещание уже началось... — начала администратор Настя, но Юля только отмахнулась.

— Я помню! Сейчас!

Она резко свернула за угол в узкий коридор, ведущий к конференц-залу, и... врзалась. Со всего размаха. В кого-то. В него.

Мир на секунду рухнул.

Первое, что она почувствовала — твёрдость. Не просто человеческое тело, а что-то монументальное. Как стена. Как скала. Её ладони упёрлись в широкую грудную клетку, пальцы вцепились в грубую ткань свитера, пытаясь удержать равновесие.

Второе — запах. Он ударил в ноздри мгновенно, острый, многослойный. Горький кофе. Мятный табак — не сигареты, что-то другое, более дорогое. И ещё — что-то чистое, мужское, с лёгкой ноткой металла и чего-то смолистого. Запах, от которого что-то внутри неё перевернулось.

Третье — жар. Он шёл от этого тела. Сквозь ткань свитера. Обжигал ладони. Поднимался выше, по рукам, оседал где-то в груди.

— Смотри, куда прёшь, комета, — раздался голос прямо над ухом.

Низкий. Рокочущий. С тёмным, хриловатым обертоном, который, казалось, шёл не из горла, а откуда-то из глубины груди. От этого голоса по спине пробежали мурашки. Не от страха. От чего-то другого. От какой-то странной, пугающей вибрации, которая прошла по позвоночнику сверху вниз и заставила сердце пропустить удар.

Юля медленно, очень медленно подняла голову. И замерла.

Перед ней стоял мужчина. Огромный. Даже мешковатый серый свитер с объёмным воротником, который явно был

выбран, чтобы скрыть фигуру, не мог обмануть. Под ним угадывались широкие, мощные плечи. Грудная клетка, которая, казалось, могла выдержать любой удар. Руки — длинные, с крупными кистями, способные удержать что угодно. Или сломать.

Он был высоким. Метр девяносто? Больше? С её ростом сто шестьдесят два разница казалась чудовищной.

Кожа — смуглая, словно покрытая лёгким загаром даже в ноябре, резко контрастировала с угольно-чёрными, чуть влажными волосами. Они были коротко пострижены по бокам, но сверху оставлены длиннее, и непослушные пряди падали на высокий лоб. Скулы — острые, будто вырубленные топором. Челюсть — жёсткая, волевая, с лёгкой щетиной, которая делала лицо ещё более brutальным. Нос — прямой, с лёгкой горбинкой, как у тех, кто его когда-то ломал. Губы — тонкие, плотно сжатые.

Но самым страшным были глаза. Юля не могла оторваться от них. Тёмные. Почти чёрные. Без единого проблеска света. Зрачки сливались с радужкой, создавая впечатление бездонного провала, в который можно упасть и не выбраться. Глаза человека, который давно перестал во что-то верить. Глаза человека, который видел что-то, что убило в нём всё живое.

И сейчас они смотрели на неё. Сверху вниз. С выражением, которое она не могла прочитать. Презрение? Скука? Или что-то более опасное — интерес хищника, заметившего добычу?

Юля почувствовала, как щёки вспыхнули ещё сильнее. Рот открылся, но слова застряли где-то в горле.

— Прости... простите, — выдавила она наконец, пытаюсь восстановить дыхание. — Я не... не видела...

Голос прозвучал жалко. Сбивчиво. Совсем не так, как она хотела.

Он не ответил. Просто продолжал смотреть. Молча. С такой тяжёлой, давящей интенсивностью, что у неё пересохло во рту. Будто он препарировал её взглядом. Раскладывал по полочкам. Оценивал. Взвешивал. И находил недостойной внимания.

Он всё ещё стоял слишком близко. Занимая всё пространство. Вытесняя воздух. Она попыталась протиснуться мимо — коридор был узким, а он, казалось, специально не двигался. Ей пришлось повернуться боком, прижаться к стене, чувствуя, как её плечо задевает его руку. От этого случайного прикосновения по телу прокатилась волна жара — внезапная, острая, смущающая.

— Извините, — бросила она на ходу, уже почти выйдя из оцепенения, и сделала шаг вперёд.

Она была почти у поворота, когда услышала:

— Юля.

Имя прозвучало не как вопрос. Как утверждение. Она замерла на месте. Медленно, не веря, обернулась.

Он стоял там же. Держал в руках планшет — чёрный, дорогой, с металлическим корпусом. На экране что-то свети-

лось, но с такого расстояния она не могла разобрать. Его тёмные глаза смотрели на неё пристально, изучающе. Без моргания.

— Вы... вы меня знаете? — голос дрогнул на последнем слоге.

Пауза. Долгая. Тягучая. Мужчина не ответил сразу. Только уголок его губ чуть приподнялся — не улыбка, даже не намёк на улыбку. Скорее тень чего-то, что могло бы стать улыбкой, если бы этот человек помнил, как это делается. Что-то в этом движении заставило её внутренности сжаться.

— Узнаю, — сказал он наконец. Голос низкий. Обволакивающий. Опасный. Каждое слово произносилось неспешно, с паузами, которые он ставил там, где другие бы не ставили. Как будто взвешивал каждый звук. — Твоё лицо. И твою... страсть к спасению мира.

Твою. Он перешёл на «ты». Без спроса. Просто взял и начал. Как будто имел на это право.

Юля нахмурилась.

— Откуда вы... откуда ты меня знаешь?

Он сделал шаг в её сторону. Медленно. Без спешки. С той уверенностью, зная, что добыча никуда не денется. Потом ещё один. Юля инстинктивно попятилась назад.

Он шёл дальше. Остановился в полуметре от неё. Нет. Ближе. Он навис над ней, и разница в росте — огромная, подавляющая — показалась ей чудовищной. Она чувствовала исходящий от него жар. Слышала его дыхание — ровное,

спокойное, уверенное. Чувствовала запах — мятный табак, горький кофе, что-то острое, металлическое, опасное.

— Я много о тебе слышал, — проговорил он. Голос стал тише, почти шёпот. Но в этом шёпоте было больше силы, чем в крике. — Твоя репутация бежит впереди тебя. Яркая. Громкая. Неутомимая.

Каждое слово он произносил медленно. Раздельно. И они падали на неё тяжёлым грузом. *Яркая. Громкая.* Это не были комплименты. Это звучало как диагноз.

Юля пыталась взять себя в руки, но сердце колотилось где-то в горле. Ладони вспотели. В животе что-то сжалось в узел.

— Кто... кто ты такой? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже. Не получилось. Голос дрогнул. Предал её.

Он не ответил сразу. Просто смотрел на неё своими чёрными глазами, в которых не было ничего — ни злости, ни интереса, ни насмешки. Просто пустота. Холодная. Бездонная. И в этой пустоте она почувствовала себя маленькой. Незначительной. Пылинкой, которую можно смахнуть одним движением.

— Твои методы, — сказал он наконец, и в его голосе проскользнула сталь, — оставляют желать лучшего.

Юля моргнула.

— Что?

— Ты даёшь им рыбу, а не удочку, — продолжил он, не

повышая голоса, но каждое слово било точнее пощёчины. — Ты лечишь симптомы, а не болезнь. Твоя суета только мешает делу. Ты создаёшь иллюзию помощи, чтобы почувствовать себя нужной. А на самом деле плодишь инфантилов, которые научились выживать на подачках вместо того, чтобы встать на ноги.

Внутри что-то взорвалось. Юля почувствовала, как закипает знакомое пламя — ярость, такая сильная, что на секунду перекрыла страх.

— Не смей! — выпалила она, выпрямляясь, хотя колени дрожали. — Не смей мне указывать. Ты меня вообще не знаешь. Мои методы работают. Люди, которым я помогаю, живы и сыты. А ты кто такой, чтобы судить?

Она ткнула пальцем ему в грудь. Твёрдую. Каменную. Неподвижную. Он даже не дрогнул. Просто посмотрел на её палец, потом на неё. И в его глазах промелькнуло что-то. Что-то тёмное. Опасное.

— Тот, кто видит дальше твоего носа, — ответил он. Голос — ровный, слишком ровный. Контролируемый. — Ты спасаешь тех, кто уже тонет. Но не задаёшься вопросом, почему они оказались в воде.

— А ты, значит, знаешь ответы на все вопросы? — она повысила голос, и в нём зазвенела ярость. — Сидишь в своей башне из слоновой кости и рассуждаешь об естественном отборе? Легко быть циником, когда сидишь в тепле!

Его рука взметнулась вверх. Быстро. Неожиданно. И пе-

рехватила её запястье.

Хватка была железной. Ладонь — горячей, сухой, огромной. Пальцы сомкнулись вокруг тонкой кости её запястья, полностью его обхватывая. Большой палец лёг на внутреннюю сторону, там, где бьётся пульс.

Юля замерла. Воздух со свистом вышел из лёгких. Сердце ухнуло, потом забилось бешено, отчаянно. Он чувствовал это. Она знала, что он чувствует её пульс — частый, птичий, испуганный.

Он наклонился к самому её лицу. Так близко, что она видела каждую деталь. Тёмные ресницы. Шрам на правой скуле — тонкий, белый, старый. Лёгкую щетину на подбородке. И эти глаза. Эти чёрные, бездонные глаза в пяти сантиметрах от её лица. Она почувствовала его дыхание на своей щеке. Обжигающее. Близкое. Опасное.

— Не лезь ко мне, — прошептал он. В этом шёпоте было больше угрозы, чем в крике. Больше силы, чем в ударе. — И не лезь туда, где ничего не понимаешь. Ты играешь в героя, пока другие разгребают реальное дерьмо. Твоя яркость — это просто шум. Пустота.

Последнее слово он выделил. Произнёс его медленно. Раздельно. *Пу-сто-та.* И оно ударило сильнее любой пощёчины.

Между ними проскочил электрический разряд. Юля смотрела в его чёрные глаза, и в них больше не было презрения. Там было что-то другое. Что-то тёмное. Жадное. Опас-

ное. Что-то, от чего волоски на руках встали дыбом, а дыхание сбилось окончательно.

— Пусти, — выдохнула она. Голос прозвучал хрипло, сломано, почти умоляюще. И ей стало стыдно за то, как он прозвучал.

Он смотрел на неё ещё секунду. Две. Потом, так же внезапно, как схватил — отпустил. Резко. Так, что она покачнулась и снова ударилась спиной о стену.

Он выпрямился во весь свой огромный рост. Поправил планшет под мышкой. И прошёл мимо. Задел её плечом — нарочно, жёстко, будто проверяя, устоит ли. От этого прикосновения по телу прокатилась новая волна жара.

Юля осталась стоять у стены. Прижавшись к холодному бетону спиной. Тяжело дыша. Сжимая и разжимая пальцы, которые всё ещё помнили его хватку. Она смотрела ему вслед. На широкие плечи. На уверенную, неспешную походку. На то, как он скрылся за поворотом коридора, даже не обернувшись.

В голове была пустота. Нет. Не пустота. В голове билась одна мысль: кто это был?

Юля опустила взгляд на своё запястье. Там, где он держал её, остались красные следы. Чёткие. Отпечатки пальцев. Они пульсировали, отдавая жаром, будто он оставил на ней ожог. Она провела большим пальцем по этому месту. Медленно. Осторожно. И что-то внутри сжалось. Не от боли. От чего-то другого. Чего-то тёмного, запретного, на что у неё не было

слов.

— Ненормальный, — прошептала она, пытаясь убедить себя. Но внутри всё дрожало. Не от страха. От странного, пугающего, стыдного возбуждения, которому она не хотела давать имя.

Юля сделала глубокий вдох. Оттолкнулась от стены. Поправила растрёпанные волосы. Расправила плечи. И пошла в конференц-зал, стараясь унять дрожь в ногах.

Конференц-зал встретил её гулом голосов.

Юля остановилась в дверях на секунду, позволяя глазам привыкнуть к яркому свету — здесь горели все лампы, в отличие от тусклого коридора. Длинный стол на двенадцать человек, почти все места заняты. Руководитель центра Михаил Петрович уже начал совещание, стоя у доски с маркером в руке.

Она прошла к свободному месту у окна, стараясь двигаться тихо, незаметно. Несколько голов повернулись в её сторону. Настя, администратор, бросила сочувствующий взгляд. Волонтёр Игорь усмехнулся — он всегда усмехался, когда кто-то опаздывал, будто это доставляло ему особое удовольствие.

Юля опустилась на стул. Положила телефон экраном вниз на стол. Сложила руки на коленях, пытаясь выглядеть собранной. Сердце всё ещё билось слишком быстро. Запястье

пульсировало там, где он держал её. Она не могла заставить себя перестать чувствовать это — его пальцы, его хватку, его жар.

Сосредоточься.

Михаил Петрович говорил что-то о новых поставках гуманитарной помощи, о графике дежурств, о предстоящей проверке из администрации. Юля слушала вполуха. Кивала механически. Делала вид, что записывает что-то в блокнот, хотя на самом деле просто водила ручкой по бумаге, рисуя бессмысленные линии.

Её взгляд скользил по лицам присутствующих. Настя. Игорь. Лена, психолог. Два новых волонтера. Старик Виктор. И... Юля замерла. Её взгляд наткнулся на него.

Он сидел напротив. Через весь стол. В той же позе, что и в коридоре — неподвижно, с прямой спиной, расслабленно, но одновременно собранно, как пружина, готовая распрямиться. Рукава свитера были чуть закатаны, открывая предплечья — мощные, со смуглой кожей, на которой виднелись шрамы. Один — длинный, белый, тянулся от запястья почти до локтя. Другой — короткий, неровный, у основания большого пальца. Руки человека, который умеет выживать. Руки человека, который знает, что такое боль.

Перед ним на столе лежал планшет. Тот самый. Чёрный, дорогой. Его длинные пальцы неспешно скользили по экрану — он что-то печатал.

Михаил Петрович продолжал говорить:

— ...поэтому нам нужно пересмотреть подход. Артём, ты готов выступить по этому вопросу?

Артём. Имя ударило в уши, как колокол. Мужчина напротив поднял голову. Его глаза на мгновение встретились с её. В них мелькнуло что-то. Насмешка? Вызов? Или просто холодное признание факта: да, я здесь. И ты ничего с этим не сделаешь.

Потом он перевёл взгляд на Михаила Петровича и кивнул.

— Всегда готов, — сказал он. Голос. Тот самый низкий, рокочущий голос.

Он отложил планшет в сторону. Откинулся на спинку стула. Скрестил руки на груди — жест закрытый, властный.

— Проблема большинства волонтерских организаций, — начал он, и его голос заполнил комнату без усилий, — в том, что они работают на уровне латания дыр. Раздают еду, одежду, деньги. Создают временное облегчение. Но не решают корневую проблему.

Юля сжала ручку в руке так сильно, что пластик треснул. Он повторял слово в слово то, что писал ей Obsidian.

— Мы должны учить людей самостоятельности, — продолжал он, не глядя в её сторону. — Давать инструменты, а не рыбу. Иначе мы плодим инфантилов, которые привыкают жить на подачках и теряют мотивацию что-то менять.

Настя кивала, записывая. Игорь хмурился, но молчал. Лена задала вопрос:

— А как ты предлагаешь это реализовать?

Артём ответил спокойно, рационально, с цифрами и фактами. Его речь была структурированной, убедительной. Он не повышал голоса. Не жестикулировал. Просто говорил — и все слушали.

Юля смотрела на него и чувствовала, как внутри разгорается ярость. Он украл её место. Её роль. Он сидел здесь, в её центре, среди её людей, и переворачивал всё с ног на голову своими холодными, циничными идеями. И все слушали. Михаил Петрович даже улыбался.

— Артём прав, — сказал он, когда тот закончил. — Нам действительно нужно пересмотреть стратегию. Юля, что ты думаешь?

Все взгляды повернулись к ней. Юля подняла голову. Встретилась глазами с Артёмом. Он смотрел на неё. Впервые с начала совещания — смотрел прямо, открыто. И в его глазах плясало что-то тёмное, торжествующее. *Ну же. Скажи что-нибудь. Докажи, что ты не просто шум.*

Юля разжала пальцы. Положила сломанную ручку на стол. Глубоко вдохнула.

— Я думаю, что помощь — это не бизнес-план, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Люди, которые приходят к нам, находятся на дне. У них нет сил учиться самостоятельности. Им нужна поддержка сейчас. Еда сейчас. Тепло сейчас. А потом, когда они встанут на ноги — да, мы можем говорить о долгосрочных программах. Но сначала нужно их просто спасти. Потому что мёртвых учить бес-

полезно.

Последнее предложение она произнесла, глядя прямо на Артёма. Он не отвёл взгляда. Уголок его рта чуть дрогнул.

— Благородно, — сказал он тихо. — Но наивно.

— Реалистично, — парировала она.

— Неэффективно.

— Человечно.

Пауза. В комнате стало тихо. Все переводили взгляды с неё на него, чувствуя напряжение, которое можно было резать ножом. Михаил Петрович прокашлялся.

— Хорошо, давайте не будем сейчас... У нас ещё много вопросов. Переходим к следующему пункту.

Артём откинулся на спинку стула. Взял планшет обратно. Снова начал печатать. Юля смотрела на его пальцы, скользкие по экрану, и вдруг её осенило. Медленно, будто в замедленной съёмке, она опустила взгляд на свой телефон. Лежал экраном вниз. Она перевернула его. На экране горело уведомление: *1 новое сообщение*. Её пальцы задрожали, когда она разблокировала телефон. Открыла приложение.

Obsidian: «Советую обратить внимание на то, что происходит вокруг, а не в телефоне. Иначе можно пропустить что-то действительно важное».

Время остановилось. Мир сузился до размеров экрана. Юля медленно, очень медленно подняла голову. Артём смотрел на неё через весь стол. Прямо. Открыто. С выражением, которое можно было назвать только одним словом: триумф.

Его пальцы всё ещё лежали на экране планшета. Большой палец нажал что-то. Раз. Телефон в руке Юли завибрировал. Она опустила взгляд. Новое сообщение.

Obsidian: «Добро пожаловать на поле боя, Юлия. Будет интересно».

Она перевела взгляд с экрана на него. С него — на экран. Синхронно. Идеально. Неопровержимо. *Не может быть.* Но это было так. Obsidian сидел напротив неё.

Не лысеющий циник в дешёвом офисе. Не старый мужчина. А он. Этот высокий, опасный мужчина с чёрными глазами. Тот, который только что держал её за запястье. Который шептал ей на ухо угрозы.

Юля почувствовала шок. Ужас. И чего-то ещё. Артём откинулся на спинку стула. Скрестил руки на груди. И улыбнулся. Не широко. Едва заметно. Но эта улыбка была хуже любого оскала. В ней было торжество. Превосходство. *Я выиграл. Ты даже не поняла, как.*

Юля сжала телефон так сильно, что экран треснул ещё больше — новая паутина трещин разбежалась от старого скола. Ей хотелось вскочить. Закричать. Но слова застряли в горле. Потому что никто бы не поверил. Потому что он сидел здесь — спокойный, уверенный — а она выглядела бы как истеричка. Потому что он уже победил. И знал об этом.

Михаил Петрович продолжал совещание, но Юлия больше не слышала ни слова. Артём снова посмотрел на планшет. Напечатал что-то. Телефон Юли завибрировал в последний

раз.

Obsidian: «Ты красиво краснеешь, когда злишься. Почти как огонь. Жаль, что огонь так легко потушить. Увидимся, Юлия».

Юля подняла глаза. Артём уже стоял. Собирал планшет. Кивнул Михаилу Петровичу и направился к выходу. Он прошёл мимо неё. Медленно. Не глядя. Но когда поравнялся с её стулом, на секунду остановился. Наклонился к её уху и прошептал так тихо, что никто, кроме неё, не услышал:

— Игра началась, комета. Не разочаруй меня.

Его дыхание обожгло кожу. Потом он выпрямился и ушёл. Дверь за ним закрылась беззвучно.

Юля сидела неподвижно. В голове билась одна мысль: кто это был? Obsidian — это Артём. Артём — это Obsidian. Троль, который преследовал её три недели. Мужчина, который унизил её в коридоре. Человек, от одного касания которого её тело предательски откликлось. Всё это — один и тот же. И он пришёл сюда специально.

Почему? Чего он хочет?

Юля посмотрела на свой телефон. На последнее сообщение. «Игра началась». Она медленно заблокировала экран. Сжала руки в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до крови.

— Хорошо, — прошептала она себе под нос. — Ты хочешь игры?

Она подняла голову. Посмотрела на дверь. В её зелёных

глазах полыхнуло что-то яростное.

— Получишь игру.

Она не знала правил. Не знала, чем это закончится. Но она знала одно: она не сдастся. Даже если это сожжёт её дотла. Даже если он окажется сильнее. Битва только начиналась. И между льдом и пламенем не может быть перемирия. Кто-то должен растаять. Или сгореть.

Глава 2

Глава 2: Там, где рушатся миры

Юля не бежала — она летела вниз по лестнице волонтерского центра, почти не касаясь ступеней. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая шаги, а перед глазами всё ещё стоял его тяжёлый, пустой взгляд. Глаза, которые смотрели на неё сквозь экран телефона, сквозь комментарии, сквозь оскорбления — и теперь сквозь реальность. Сквозь неё саму, будто она была стеклянной. Будто он видел каждую трещину.

«Добро пожаловать на поле боя, Юлия. Будет интересно».

Она промахнулась мимо последней ступеньки, споткнулась, схватилась за перила — и тут же одёрнула руку. Потому что перила были холодными. Металлическими. И этот холод мгновенно перебросил её обратно — в тот коридор, к его пальцам на её запястье.

Юля на секунду прижалась спиной к стене. Прямо здесь, в пролёте между третьим и вторым этажом, в запахе старой краски и осенних курток. Она смотрела в лестничный пролёт вниз и пыталась вдохнуть что-то, кроме паники.

Помогло плохо.

Она опустила взгляд на собственное запястье. Там ничего не было — никакого синяка, никакого следа. Только бледная кожа, голубоватая вена, обычная рука. Но Юлия всё рав-

но чувствовала его отпечаток. Он засел где-то глубже, чем в коже, — в мышечной памяти, в том месте, где тело запоминает то, что разум пытается забыть. Четыре пальца. Большой — снизу, у сухожилия. Хватка, в которой не было ни грамма жестокости, и именно поэтому она была такой страшной. Потому что он делал это легко. Будто она была чем-то, к чему ему позволено касаться. Его собственностью, которую он просто ещё не удосужился оформить.

«*Перестань*», — приказала она себе.

Вылетела на улицу.

Холодный ноябрьский ветер ударил в лицо — с размаху, как пощёчина. Обжёг щёки, выдавил слёзы из глаз, забился под воротник куртки и принялся выстуживать всё, что оставалось тёплым. Но это было даже хорошо. Слёзы можно было списать на погоду. Только не на него. Никогда — на него.

Юля сунула руки в карманы и пошла. Быстро. Почти бегом. Не выбирая направления — ноги сами несли её по знакомому маршруту, вбитому в мышцы сотнями одинаковых возвращений. Домой. В панельную пятиэтажку на Кольцевой, мимо облупленной аптеки, мимо круглосуточного магазина с вечно мигающей вывеской, мимо детской площадки, где ржавые качели пели на ветру что-то монотонное и безнадежное.

Город в ноябре был похож на человека, сдавшегося без боя. Серое небо. Голые деревья с мокрыми чёрными ветками. Лужи, в которых отражались фонари — жёлтые, размы-

тые, как будто нарисованные больной рукой. Редкие прохожие — в капюшонах, с опущенными головами, каждый сам по себе, каждый в своей непроницаемой скорлупе.

Никому нет дела.

Обычно эта мысль её злила. Сейчас — почти утешала.

В голове крутились обрывки мыслей, как осколки разбитого стекла, и каждый норовил порезать. *Obsidian. Артём.*
Он здесь.

Он был здесь всё это время. А она — сидела за своим ноутбуком, отвечала на его издевательства, дрожала от ярости и стыда, думала, что между ними — тысячи километров и экран монитора. Безопасное расстояние. Стекло.

Какое, к чёрту, стекло.

Он стоял в двух метрах от неё. Дышал тем же воздухом. Держал её за руку.

Юля вцепилась в лямку рюкзака так сильно, что побелели костяшки.

— Ненавижу, — прошептала она в пустоту, в ветер, в серое небо над головой. Не зная, к кому обращается. К нему? К себе? К этой нелепой вселенной, которая решила устроить ей именно такую катастрофу именно в такой день?

Ветер трепал рыжие волосы, выбившиеся из хвоста. Ледяные пряди хлестали по лицу, лезли в рот, и она сплёвывала их механически, на автопилоте, потому что всё её внимание было там — в этом проклятом кабинете, где он смотрел на неё через весь стол.

Смотрел — и не двигался. Вот что выбивало из равновесия больше всего. Он был совершенно неподвижен. Пока все остальные ёрзали, переглядывались, перекладывали бумаги — он сидел как монолит. Как что-то из другого материала. Более тяжёлого. Более плотного. Гравитация вокруг него работала иначе, Юля была в этом уверена — пространство само по себе становилось плотнее там, где он находился. Труднее было дышать. Труднее было думать.

И этот взгляд. Из-под тяжёлых век, без малейшего интереса — и одновременно с такой пристальностью, будто он препарировал её прямо там, при всех, раскладывал по полочкам, классифицировал. Вот страх. Вот гордость. Вот попытка выглядеть сильной. Жалкая, кстати, попытка.

Юля ускорила шаг. Плевать. Ей плевать. Пусть думает что хочет.

Но его голос она слышала до сих пор — низкий, чуть хрипловатый, с паузами, которые он ставил там, где никто другой бы не поставил. Голос, который не нужно было повышать. Голос, который занимал пространство просто по праву своего существования.

«Твоя яркость — это просто шум. Пустота».

Она почувствовала, как слова снова впиваются под кожу. Занозой. Нет — не занозой. Занозу можно вытащить. Это было больше похоже на дождь, который проникает везде, — и ты не понимаешь, в какой момент промок насквозь.

Самым страшным было не то, что он сказал это. Самым

страшным было то, что иногда, в три часа ночи, она думала то же самое.

Юля закусила щёку изнутри.

Не сейчас.

Впереди замигала вывеска аптеки — красный крест: одна секунда, пауза, и снова. Как пульс. Как сигнал SOS. Она пробежала мимо, не глядя, и уже когда отошла на квартал, поняла, что всё это время проверяла — не идёт ли кто-то за ней. Не эта ли широкая тень вон там, за углом, принадлежит человеку с каменным лицом.

Никого не было.

Разумеется.

Он не стал бы идти за ней. Ему не нужно. Он уже поселился в её голове — прочно, без разрешения, как сырость в старых стенах.

Подъезд встретил её привычным запахом — сырой бетон, дешёвый табак, мокрые тряпки, которыми вечно мыла полы соседка с первого этажа тётя Валя. К этому запаху примешивалось что-то кислое, давнее, вбитое в стены намертво — запах жизни, которая давно перестала быть жизнью и стала просто выживанием.

Лампочка на лестничной клетке моргала. Один раз. Два. Потом пауза — и снова. Световые вспышки выхватывали из темноты кусок батареи с ободранной краской, половину поч-

тогового ящика с вырванной дверцей, старые объявления на стене — «продам детскую коляску», «куплю гараж», «помогу с ремонтом» — пожелтевшие, у некоторых оторваны телефонные номера снизу, у большинства не оторван ни один.

Лифт, как всегда, не работал. Чёрная лента с надписью «НЕ РАБОТАЕТ» висела на дверях уже третий месяц, и кто-то уже успел дорисовать рядом маркером маленькое кладбищенское надгробие.

Юля начала подниматься пешком.

Ноги гудели от быстрой ходьбы, и она злилась на собственное тело — злилась за то, что оно вообще может уставать, что оно несовершенно, что в нём нет того железа, которое она хотела бы в нём видеть.

Первый пролёт. Второй.

На втором этаже кто-то включил телевизор — оттуда доносился голос ведущего ток-шоу, у которого была такая интонация, будто он всю жизнь только и делает, что объявляет конец света.

— ...и мы спрашиваем: кто виноват?..

Хлопок аплодисментов. Голос женщины из зала — пронзительный, возмущённый. Стандартный набор чужого горя, расфасованный в прайм-тайм.

Юля прошла мимо, не замедляясь.

На третьем пахло жареной картошкой, луком и ссорой — мужской голос, женский, снова мужской, хлопок двери, тишина в два такта и снова голоса — тише, но злее. Там, за этой

дверью, жила семья Петренко. Трое детей. Юля иногда слышала, как они смеются — по субботам утром, когда включают мультки.

Сейчас они не смеялись.

Она почти не слышала этого. Внутри звучало другое.

Его голос. Низкий. Без интонаций — и именно поэтому такой значимый. Интонация создаёт эмоцию, даёт слушателю крючок. Его голос не давал крючков. Он просто устанавливал факты. Ставил точки там, где другие ставили вопросительные знаки, и от этой уверенности можно было сойти с ума.

И ещё — это тёмное, запретное тепло. Которое разгоралось каждый раз, когда она вспоминала его пальцы на своём запястье.

Юля остановилась на площадке между третьим и четвёртым этажом. Прислонилась к стене. Холодный бетон сразу же начал тянуть тепло сквозь куртку, но она не отстранилась. Позволила этому холоду разойтись по лопаткам, по позвоночнику.

Она снова посмотрела на своё запястье. Ничего. Просто кожа. Просто рука.

Но там, в том месте, где должен был остаться след, кожа казалась горячее. Юля провела большим пальцем по внутренней стороне запястья — медленно, осторожно, почти против воли. И что-то сжалось в районе солнечного сплетения. Что-то тёмное, стыдное, на что у неё не было слов —

потому что называть это словами значило признавать его существование.

Она отдернула руку.

«Перестань».

Поднялась на четвёртый. Квартира сорок семь.

Дверь была старой, обитой когда-то коричневым дерматином, который теперь местами оторвался, обнажая ржавое железо — как кость, торчащая сквозь кожу. Замок вечно заедал, и Юля долго не могла попасть ключом в скважину — пальцы дрожали. Она закусила губу, заставляя себя успокоиться. Вдох. Выдох. Представить что-нибудь нейтральное. Не его лицо. Что угодно, только не его лицо.

Замок щёлкнул.

Она шагнула внутрь, и тишина накрыла её с головой.

Эта тишина была особой. Не пустой — плотной. Вязкой, как смола, насыщенной всем тем, о чём здесь не говорили вслух. Запахами лекарств, которые уже не помогали. Запахом несвежего постельного белья, которое невозможно было менять так часто, как хотелось бы. Дешёвого стирального порошка, который она покупала на развес. Чем-то сладковатым, застоявшимся — запахом болезни, с которым она давно научилась жить, но который никогда не переставал бить под дых.

Юля закрыла за собой дверь. Прислонилась лбом к холодному дерматину. Один вдох. Два. Потом подняла голову.

Прихожая когда-то была маминой гордостью. Светлые

обои в мелкий цветочек — нежно-голубые, с серебристыми стеблями. Дубовая вешалка с шестью крючками в форме листьев. Зеркало в кованой раме — мама привезла его из Москвы, из командировки, ехала с ним в электричке, придерживая обеими руками всю дорогу. «Юлечка, смотри, как красиво. В нём наше отражение будет всегда праздничным».

Зеркало продали два года назад. Восемьсот рублей — незнакомая женщина с Авито, белая «Лада» у подъезда, мятые купюры. Юля упаковывала его в газеты, слой за слоем, а мама смотрела из спальни — молча, из-за полуприкрытой двери, и Юля слышала её дыхание, но не оборачивалась, потому что не могла.

Вешалка тоже ушла. Теперь — гвоздь в стене, две куртки на нём: рыжий пуховик Юли и отцовский плащ. Когда-то тёмно-серый, почти чёрный, с тонкими белыми полосками в ткани — именно в нём он ходил на заседания суда, и Юля помнила, как была маленькой и думала, что он самый красивый мужчина на свете. Сейчас плащ висел как-то особенно бессильно. Пустой, обвисший, призрак того человека, которым её отец был когда-то.

Юля стащила куртку. Повесила рядом. Мысленно сжала себя, пытаясь собрать воедино что-то окончательно рассыпающееся.

«Ты справишься. Ты всегда справлялась».

Из комнаты матери донёсся кашель.

Юля замерла.

Этот кашель был живым существом в их доме. Он жил здесь уже два года — сухой, надрывный, с влажным клокотанием в конце, который Юля слышала во сне и просыпалась с ним, как с будильником. Он звучал, будто кто-то разрывал бумагу — медленно, лист за листом, с паузами, в которых можно было услышать, как мать пытается набрать воздух для следующего приступа.

Юля стояла в прихожей и слушала. Считала. Семь. Восемь. Девять. На десятом — остановилось. Выдох.

Она прошла на кухню.

Линолеум скрипнул под ногой — привычно, в одном и том же месте у порога. Он не менялся уже много лет, весь в сетке мелких трещин, как карта реки, которая пересохла. Местами задрался по краям у плинтуса, обнажая серый бетон под ним — ещё одна рана в этой квартире, которая, кажется, истекала сама из себя медленно и неостановимо.

На кухне горел свет — тусклый, жёлтый, с рыжеватым оттенком, который делал всё похожим на старую фотографию. Вторая лампочка перегорела ещё в августе. Денег на замену не было.

За маленьким столом сидел отец.

Юля остановилась в дверях. Она каждый раз давала себе эту секунду — секунду, чтобы подготовиться. Чтобы увидеть его и не показать, что видит. Потому что то, что она ви-

дела, было невыносимым.

Когда-то он был львом.

Она помнила. Высокий — под метр девяносто, с прямой спиной и походкой человека, которому есть что охранять. Костюмы — не дешёвые, сшитые у портного, тёмно-синие, тёмно-серые, всегда безупречно отглаженные. Он входил в комнату — и она сразу же становилась меньше. Не потому, что он давил — потому что он её заполнял. Его голос, его жесты, его уверенность — всё это занимало пространство. Ему не нужно было доказывать, что он здесь главный. Это было просто очевидно.

Суды, где он держал слово три часа подряд, и никто не смел перебить. Клиенты в дорогих машинах у подъезда. Телефонные звонки в половине одиннадцатого вечера, которые он брал без раздражения — с голосом спокойным и уверенным, как скала.

Теперь перед ней сидел кто-то другой.

Застиранный свитер — когда-то тёмно-синий, его любимый. Теперь — серый, неопределённого цвета, цвета капитуляции. Воротник вытянут. Локти протёрты. На плечах — мелкие катышки, которые появляются, когда вещь стирали слишком много раз. Домашние тапки с протёртой подошвой, через которую, должно быть, уже чувствуется холод пола.

Руки. Вот что она не могла выносить — его руки. Когда-то они были красивыми руками человека, привыкшего к ручке и бумаге, а не к тяжёлому труду. Ухоженные, твёрдые, уве-

ренные — они умели делать паузу на совещании ровно так, как нужно, клали ей руку на голову, когда она болела в детстве, держали её, когда она падала с велосипеда.

Сейчас они мелко дрожали. Перебирали стопку розовых квитанций — коммунальные, лечебные, банковские. Маленькая башня розовых листков с цифрами, которые складывались в сумму, не совместимую с их жизнью.

На столе лежал телефон. Он вибрировал. Беззвучно — режим отключён, потому что звук входящего вызова уже давно вызывал у отца что-то похожее на физическую боль. Глухое дребезжание ползло по столешнице, и телефон медленно, миллиметр за миллиметром, двигался к краю. Юля смотрела на него — и ей казалось, что это метафора. Всё в этом доме медленно, миллиметр за миллиметром, движется к краю.

— Опять? — спросила она тихо.

Голос прозвучал чужим. Хриплым, немного сломанным — будто кто-то поцарапал поверхность. Она прокашлялась. Не помогло.

Отец не поднял глаз. Смотрел на квитанции — сквозь них, куда-то туда, где не было розовых листков, где не было вибрирующего телефона, где он был другим.

— С утра тринадцатый звонок, — сказал он ровно. Как диктор новостей, которому давно всё равно, что читать. — Коллекторы из энергосбыта. Говорят, завтра отключат свет, если не внесём хотя бы треть долга.

Телефон снова дрогнул. Юля подошла к столу, провер-

нула его экраном вниз. Дребезжание прекратилось. Тишина встала на его место — плотнее, тяжелее, хуже.

Отец посмотрел на неё. Поднял голову медленно, будто преодолевал сопротивление воды. Его лицо было серым, как ноябрьское небо за окном. Мешки под глазами — тёмные, глубокие, налитые годами бессонницы. Морщины у рта — резкие, как трещины в камне. Щетина — серая, колючая, давно не тронутая станком.

Это было лицо человека, который проиграл. Не в суде. Не в карьере. В жизни. И продолжал проигрывать, каждый день, каждую минуту, просто оставаясь на плаву.

— Я обзвонил всех, — сказал он. Голос звучал безжизненно, монотонно, как заезженная пластинка. — Бывших коллег. Друзей. Тех, кто должен мне деньги. Друзей больше нет. Телефоны молчат. Кто-то сбрасывает после первого гудка. Кто-то говорит, что сам на мели. Кто-то обещал перезвонить месяц назад и не перезвонил до сих пор. Я готов работать... кем угодно. Дворником. Грузчиком. Ночным охранником. Но никто не берёт пятидесятивосьмилетнего мужчину, который пятнадцать лет не держал в руках ничего тяжелее ручки. Рынок труда считает, что я уже умер. Просто забыл лечь в могилу.

Юля села напротив. Не на стул — на табуретку, старую, с продавленным сиденьем, которая досталась им вместе с квартирой. Её ножка шаталась. Юля привыкла сидеть на ней под углом, автоматически компенсируя наклон.

— Мама? — спросила она.

Вопрос был риторическим. Она знала ответ. Знала его каждый день, каждый час, каждую минуту последних двух лет.

Отец покачал головой.

— Без изменений. Держимся на «Aeroventin». Врач сказал, если прервём курс больше чем на три дня — все откажется назад. Лёгкие перестанут реагировать. И тогда...

Он замолчал. Не смог произнести окончание фразы.

Юля смотрела на его руки, сжимающие квитанции. На пальцы, которые когда-то держали Конституцию. На ногти, которые когда-то были ухоженными, а теперь слоились и ломались от нехватки витаминов. На вены, выступившие сильнее, чем должны были. На мозоль у указательного пальца — от ручки, которой он всё ещё писал какие-то прошения, хотя это ничего не меняло.

«Aeroventin». Название препарата звучало как приговор. Стоимость упаковки равнялась их месячному бюджету на еду. Им не подходили дженерики. Не подходили аналоги, которые стоили дешевле. Только этот препарат. Только он. Как цепь — с единственным звеном.

— Лекарство стоит сорок тысяч за упаковку, — сказал отец. Каждое слово падало отдельно, как камни в воду. — Это на неделю. Только на одну неделю.

Юля почувствовала, как горло перехватило. Она закусила внутреннюю сторону щеки — нашла то место, которое уже

болело от предыдущих укусов, и надавила туда сильнее. Солёный привкус крови. Боль — точечная, настоящая — помогла не разреветься.

Она медленно достала телефон. Старый, со сколом на экране в правом верхнем углу — туда попала монета полгода назад, телефон слетел со стола, и Юля потом долго сидела на полу и смотрела на скол, и плакала — не из-за телефона, а из-за того, что починить его не на что, и никогда не будет на что.

Она открыла банковское приложение. Пальцы дрожали. Экран обновлялся медленно — секунда, две, три. Юля смотрела на крутящийся значок загрузки и, против воли, надеялась. На ошибку системы. На переведённый донат, который она забыла. На чудо.

Белый фон. Чёрные цифры.

Баланс: 148 рублей

Сто сорок восемь рублей.

Юля уставилась на экран. Что-то в районе солнечного сплетения сжалось — медленно, методично, как пресс. Не сто сорок восемь тысяч. Не тысячи. Просто — сто сорок восемь. Три цифры. Хлеб. Макароны. Всё.

На кухне стало абсолютно тихо. Даже кашель за стеной притих, как будто мать тоже прислушивалась. Только дедушкины часы тикали — громко, размеренно, без сочувствия.

— Сто сорок восемь рублей, пап, — прошептала она. Голос сорвался на последнем слове. Она не заплакала — пле-

чи дрожали, мелко, противно, предательски, но слёз не было. Слёзы тоже были роскошью. Она стояла посреди кухни с телефоном в руке, и три цифры на экране жгли ей ладонь сквозь стекло. — Это всё. До конца недели.

Отец закрыл лицо ладонями. Это было страшнее всего. Не морщины, не дрожащие руки, не серый свитер — этот жест. Когда он закрывал лицо. Когда пытался спрятаться от мира, который его раздавил. Его плечи поникли так низко, что казалось — он сейчас просто сложится, сломается по линии наименьшего сопротивления, как старая книга по корешку.

— Сто сорок восемь... — эхом отозвался он. — Даже на ампулу не хватит.

Он убрал ладони от лица. Посмотрел на неё. В его глазах была усталость. Не просто усталость от дня, не усталость от работы — фундаментальная усталость. Усталость материала, который слишком долго держал нагрузку и понял, что больше не может, но продолжает держать, потому что, если он сломается — упадёт что-то живое.

Юля сжала кулак. Ногти вошли в ладонь — четыре острые точки, алые полумесяцы. Она — та, которая в блоге призвала спасать мир. Та, которая учила других состраданию. Та, которая называла себя огнём. Не могла спасти собственную мать.

Ирония была такой горькой, что закружилась голова.

— Всё будет хорошо, пап, — сказала она. Голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. Она не знала, откуда берётся этот

голос — из какого резерва, из какой глубины. Но он был. Всегда был — этот другой голос, который говорил за неё в моменты, когда настоящий голос уже не мог. — Я что-нибудь придумаю.

Отец поднял на неё глаза. В них не было веры. Только усталость — и любовь. Та самая, которая заставляет кивать даже тогда, когда знаешь, что тебя обманывают. Которая прощает ложь, потому что понимает, что за ней стоит.

— Конечно, Юль, — сказал он тихо. — Конечно.

Она подошла к нему. Обняла за плечи — и почувствовала, какой он худой. Как под свитером выступают лопатки. Как позвонки считаются под пальцами: один, два, три. Его руки легли ей на спину — тяжёлые, дрожащие, всё ещё тёплые.

Они сидели так несколько минут. В тишине. В жёлтом свете единственной лампочки. В запахе старого свитера и лекарств, просачивавшихся из-за двери. Юля слышала биение его сердца — не ровное, с перебоями, слабее, чем должно быть. Но живое. Пока — живое.

Она закрыла глаза на эти несколько секунд. Позволила себе эту слабость — только здесь, только сейчас. Потом откроет — и снова будет твёрдой. Снова будет той, которая придумает. Которая найдёт. Которая не сдастся.

Её комната была маленькой. Девять метров — она знала это точно, потому что однажды измерила шагами в тот ве-

чер, когда осознала, что пространство сужается. Стол у окна. Кровать вдоль стены. Полка с книгами, которых становилось всё меньше — некоторые продала, некоторые просто перестала читать, потому что на это нужны силы, которых не было.

На столе — ноутбук с трещиной на крышке. Зарядник, примотанный скотчем в месте излома. Кружка с засохшими остатками чая, которую она забыла помыть ещё вчера. Тетрадь с планами волонтерских мероприятий, исписанная мелким почерком — стрелки, схемы, списки, имена людей, которым она собиралась помочь.

Юля вошла. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. Стояла так долго. В темноте — свет не включала. Смотрела в окно, где ноябрьский город светился жёлтыми пятнами фонарей сквозь мокрое стекло.

Потом опустилась на кровать. Медленно, как человек, у которого кончились силы на резкие движения. Легла поверх одеяла в куртке — расстёгнутой, но не снятой. Уставилась в потолок, где по штукатурке тянулась тонкая трещина от угла до лампы. Старая знакомая.

В груди было странно. Не больно — потому что боль предполагает что-то острое, а здесь было что-то другое. Что-то, у чего не было нормального названия — липкое, тёплое и удушающее одновременно. Смесь страха, отчаяния и этой непрошенной, необъяснимой злости. Не на коллекторы. Не на болезнь. На себя — за то, что она слабее, чем должна быть.

За то, что она бежала от него, как загнанное животное.

Эта мысль остановила её. *Она бежала.*

Юля, которая вела блог о правах уязвимых, которая выходила на одиночные пикеты в минус пятнадцать, которая однажды орала матом на чиновника из администрации за то, что тот отказал в помощи многодетной семье — она бежала от мужчины, который взял её за руку. От мужчины с чёрными глазами, который смотрел на неё так, будто уже знал, чем всё закончится.

Юля закрыла глаза. Попыталась не думать о нём. Получалось плохо. Его образ стоял за веками с той безжалостной отчётливостью, с которой стоят вещи, от которых бежишь, — чем быстрее убегаешь, тем яснее видишь. Каменное лицо. Углы скул, по которым можно резать. Тёмная кожа, которая казалась не просто смуглой, а как будто сделанной из другого материала — более плотного, созданного выдерживать давление. Руки. То, как он двигался — медленно, без лишних движений, с экономностью человека, который давно знает, что каждое движение имеет вес.

И голос. Юля почувствовала, как по рукам прошли мурашки — снизу вверх, от запястий к плечам. Его голос был как гравитация. Его нельзя было услышать и остаться прежним — он менял что-то на клеточном уровне, перестраивал частоты. Низкий, без лишних обертонов, с тёмной глубиной под поверхностью, которую слышишь скорее телом, чем ушами. Он не повышал его. Не выделял слова интона-

цией — говорил ровно, размеренно, с паузами, которые давили сильнее слов.

«Твоя яркость — это просто шум».

Юля открыла глаза. Уставилась в потолок. В трещину. В темноту. Достала телефон.

Переписка открылась сама — она была последней. Его сообщение. То самое, которое пришло ещё до встречи и которое теперь читалось совершенно по-другому, потому что она знала, кто его написал.

Obsidian: «Добро пожаловать на поле боя, Юлия. Будет интересно».

Она смотрела на эти слова долго. Дольше, чем следовало. Её палец завис над строкой ответа. Раньше она отвечала. Всегда отвечала — резко, злобно, остро, потому что молчание казалось ей поражением. Она вступала в каждую битву, которую он ей предлагал, и проигрывала — не потому, что он был умнее, а потому что он был холоднее. Её слова горели. Его — просто существовали. И огонь не может победить камень. Огонь просто тухнет.

Но сейчас она не написала ничего. Убрала телефон под подушку. Перевернулась на бок. Подтянула колени к груди.

За стеной снова закашляла мать. Раз. Два. Долгая пауза, в которой Юлия не дышала. Три. Четыре. И медленно стихло. Юлия сжала руку в кулак под щекой.

Внутри всё кипело — бесшумно, тесно, как вода в закрытой кастрюле. Ярость. Отчаяние. Страх — не тот поверх-

ностный, который случается при встрече с незнакомой опасностью, а более глубокий, корневой: страх, что она не справится. Что всё это — мать, отец, долги, розовые квитанции — окажется больше, чем она, и она просто сломается под этим весом.

И ещё — то, чему она не хотела давать имя. То тёмное, запретное тепло, которое разгоралось в ней каждый раз, когда она думала о его пальцах на своём запястье. О том, что он стоял так близко, что она чувствовала запах — мятный табак и что-то горькое, смолистое, холодное. О том, что от его взгляда у неё подгибались колени, и она ненавидела себя за это — злобно, яростно, безжалостно.

Потому что он был врагом. Потому что он пришёл в её единственное безопасное место и занял его. Потому что он смотрел на неё, как охотник смотрит на зверя в ловушке — с холодным, профессиональным интересом. Без торопливости. Зная, что зверь никуда не денется.

«Я не зверь», — подумала она жёстко. — «Я не добыча».

Ей нужен был план. Не чувства — план. Конкретные действия, конкретные шаги. Деньги на лекарство. Деньги на свет. Деньги на следующую неделю и на неделю после. Работа. Публикации. Донаты. Может быть, краудфандинг — она видела, как другие это делали, и всегда отказывалась, потому что это казалось ей поражением.

Может быть, хватит быть гордой. Может быть, пришло время перестать спасать мир и начать спасать мать.

Юля перевернулась на спину. Уставилась снова в потолок. В трещину. В темноту. Если этот путь приведёт её к нему — к Артёму, к Obsidian, к человеку с чёрными глазами, который смотрит на неё как на что-то, что он уже решил сломать — что ж. Значит, она войдёт в это с открытыми глазами.

Она достала телефон ещё раз. Открыла его сообщение. Смотрела на него секунду, две, три. Потом написала три слова.

Юлия: «Я знаю».

Отправила. Перевернулась на бок. Закрыла глаза. Сердце билось ровнее, чем должно было. Потому что решение — любое решение — лучше, чем бессилие. Потому что ярость — это топливо, и у неё его было много. Потому что она была огнём, и огонь не сдаётся. Он просто ищет, что сжечь.

В темноте телефон на подушке завибрировал. Один раз.

Юля не открывала глаза долго. Слушала дыхание дома — скрип старых труб, тиканье часов, затихший кашель за стеной. Потом взяла телефон.

Obsidian: «Это начало».

Три слова. Без знаков препинания. Без смайлов. Без интонации — как и его голос, который не нуждался в интонации, чтобы давить на что-то в районе солнечного сплетения.

Юля смотрела на экран, пока буквы не начали немного двоиться. Потом положила телефон обратно. Закрыла глаза.

«Эта война только начинается», — подумала она. И она будет сражаться.

Глава 3

Глава 3: Темнота, которая наблюдает

Он сидел в тишине своей квартиры.

Тишина здесь была особой — не той, что рождается из отсутствия звуков, а той, что создаётся намеренно. Тройное остекление панорамных окон, звукоизоляция стен. Двадцать пятый этаж элитного небоскрёба «Обсидиан Тауэр» — название он выбрал сам, когда покупал пентхаус — парил над городом так высоко, что даже сирены машин внизу не долетали сюда.

Интерьер был выдержан в чёрно-серой гамме. Бетон, сталь, стекло — материалы, которые не притворяются тёплыми. Мебель — минималистичная, дорогая, неудобная. Комфорт расслабляет, а Артём не мог себе этого позволить. Ни на секунду.

На стенах не было ничего. Ни картин, ни фотографий — только голые поверхности. Пространство напоминало не дом, а мавзолей. Дорогой, стерильный, мёртвый.

Он стоял у панорамного окна и смотрел вниз.

Оттуда, сверху, город казался россыпью тусклых огней. Где-то там, в самом дальнем углу, в районе, куда даже таксисты едут неохотно, была её пятиэтажка. Серая, облупленная,

с протекающей крышей и вечно сломанным лифтом.

Он не видел её отсюда. Но знал, где она. Всегда знал. Годами отслеживал каждый её шаг — не навязчиво, просто фоном. Как следят за погодой. С холодным любопытством экспериментатора.

В руке медленно остывал виски.

«Glenlivet 25» — одна порция стоила как её недельный бюджет на еду. Он налил его двадцать минут назад, но так и не сделал ни глотка. Просто держал, чувствовал вес. Смотрел, как янтарная жидкость превращает отражения городских огней в жидкое золото.

Мысли вернулись к ней.

К Юле. К той, чья жизнь только что рассыпалась у него на глазах. Установленная им программа-шпион в её телефоне работала безупречно. Он слышал каждый разговор, видел каждый банковский перевод.

Сто сорок восемь рублей.

Он произнёс это вслух — медленно, со странным наслаждением. В пустой комнате голос прозвучал как приговор.

— Сто сорок восемь рублей, — повторил он тише, почти шёпотом. — Вот во что ты оценила свою святость, Юлия Волкова.

Он поднёс стакан к губам, вдохнул аромат — дубовая бочка, горелая карамель, что-то дымное. Всё в этом виски напоминало о прошлом. О том, что стгорело дотла.

Не сделал глотка. Опустил стакан на подоконник — медленно, с той церемониальной неспешностью человека, который контролирует каждый миллиметр своего движения.

Закрыл глаза.

И сразу же перед внутренним взором вспыхнули её глаза. Ярко-зелёные, полные слёз, отчаяния и этой её дурацкой, неистребимой надежды. Те самые, которые он видел час назад — сквозь камеру, установленную в углу её кухни под видом детектора дыма. Когда она стояла посреди убогой комнаты с облупившимися обоями и смотрела на цифру баланса так, будто это был смертный приговор.

Её рыжие волосы напомнили ему пламя. Живое, яркое, опасное. То самое пламя, которое когда-то поглотило его мир. Которое сожрало деревянный дом за сорок минут. Которое убило мать.

Он ненавидел этот огонь.

Ненавидел так сильно, что иногда ему казалось — ненависть это единственное, что у него осталось вместо сердца. Всё остальное выгорело в ту ночь, одиннадцать лет назад. Выгорело дочерна, превратилось в обсидиан — чёрное вул-

каническое стекло, острое, смертельное.

Он хотел погасить её огонь. Растоптать. Превратить в пепел — как тогда.

Но почему-то сейчас, в этой роскошной пустоте, его пальцы всё ещё помнили ощущение её тонкого запястья.

Артём разжал кулак, посмотрел на свою ладонь.

Крупная. Смуглая. Со шрамами на костяшках — следами тех лет, когда он учился выживать кулаками, а не словами. Эта рука держала её сегодня — легко, без усилий, просто остановив в коридоре центра «Тепло». Четыре пальца во круг тонкой кости. Большой — у сухожилия, там, где бьётся пульс.

Её пульс колотился как бешеный. Она пахла страхом — тонким, кисловатым, почти неуловимым. Артём давно научился его различать.

Его ладонь жгло от того воспоминания — будто он коснулся не запястья, а раскалённой балки. Будто она оставила на нём ожог.

Артём резко открыл глаза, отогнал воспоминание.

— Ты смотришь на мир через розовые очки, Юлия, — прошептал он в темноту. — И не видишь, как их осколки впиваются в горло тем, кого ты спасаешь.

Голос его был низким, хриплым. Не от простуды — от того, что много лет назад, в ту ночь, он дышал дымом так долго, что связки обожглись навсегда. Теперь в его голосе всегда был этот тёмный обертон — что-то обугленное, что-то сломанное.

Он встал, подошёл к бару, плеснул себе виски. Обжигающая жидкость скользнула в горло, но даже она не смогла смыть вкус её страха. Вкус того, что он делал. И того, что ещё собирался сделать.

— Твоя мать тоже хотела «спасти» мою семью, — продолжил он, обращаясь к невидимому призраку Юли. — Ты даже не знаешь, что твои родители убили две семьи, пытаясь спасти город от одного человека. Они получили за это медали. Статьи в газетах. Мать получила орден «За заслуги перед городом». Я смотрел трансляцию с больничной койки, пока мне меняли повязки на обожжённых руках. Она стояла на сцене в красивом платье, улыбалась, благодарила зал. И никто не вспомнил о женщине, сгоревшей заживо из-за их «справедливости».

Он закрыл глаза снова. Воспоминания нахлынули мгновенно — липкие, тёмные, неумолимые. Будто одиннадцать лет не прошло. Будто он до сих пор там, в горящем доме, и не может выбраться.

***

Тот день начался обычно.

Неправда. Он запомнил, что тот день был идеальным. Солнечным. Тёплым для октября. Одним из тех редких дней, когда кажется, что мир не так уж плох и всё, возможно, наладится.

Шестнадцатилетний Артём вернулся из школы с четвёркой по алгебре. Мать встретила его на пороге — тонкая, хрупкая, с прозрачной кожей, сквозь которую проступали голубоватые вены. Болезнь лёгких делала её такой — словно она не совсем твёрдая, будто одно неосторожное движение — и она растает в воздухе.

Она улыбалась. Даже когда кашляла так, что сгибалась пополам, она всё равно находила силы улыбнуться ему.

— Молодец, солнце, — сказала она, и голос её был тихим, но тёплым. — Я знала, что у тебя получится.

Она сделала его любимое — картошку с грибами. Собирала грибы сама, осенью, в лесу за городом. Пахло на весь дом. Это был запах счастья. Запах того, что ты нужен.

Они сидели на кухне вдвоём — отец вернётся поздно, он работал у Барона водителем. Опасно, но платили хорошо.

— Мам, а когда тебе станет лучше, мы поедem на море?

Она замерла на секунду. Потом снова улыбнулась, но в глазах промелькнуло что-то, чего он тогда не умел читать. Боль. Понимание того, что моря не будет.

— Конечно, Артёмка.

Они не поехали.

В тот вечер отец пришёл позже обычного. Его шаги были тяжёлыми, неправильными.

— Волковы, — сказал он, будто имя было проклятием.

— Они начали копать под Барона. Ищут свидетелей. Ко мне уже подходили. Предлагали защиту в обмен на показания.

Мать что-то прошептала. Артём не разобрал слов, но услышал интонацию — страх.

— Если Барон узнает, он не будет разбираться, отказался я или нет. Он просто устранил риск. Нас. Всех.

Длинная пауза.

— Может, нам уехать? — голос матери был тонким, как натянутая струна.

— Он везде достанет. У него люди в каждом городе. — Отец выдохнул. — Нам остаётся только молиться, чтобы Волковы одумались.

Они не одумались.

Родители Юли — Глеб Волков, блестящий адвокат, и На-

талья Волкова, основательница благотворительного фонда «Свет надежды» — были одержимы. Одержимы идеей правосудия, которую они путали с добром. Они собирали дело против Барона годами, и им нужен был главный свидетель — человек изнутри. Отец Артёма казался им идеальной кандидатурой.

Они давили. Звонили, писали письма, приезжали лично. Обещали защиту, новую жизнь, деньги на лечение матери. Взывали к совести. Они не понимали — или не хотели понимать — что в мире Барона единственный способ выжить — быть невидимым. Они разрушили эту невидимость.

***

Артём знал Юлю.

Они ходили в одну школу — он в одиннадцатом, она в четвёртом. Она была яркой. Всегда яркой. В красной куртке, с рыжими волосами, стянутыми в два хвоста, с громким смехом и вечной готовностью броситься на помощь. Она спасала бездомных котят, заступалась за слабых, организовывала благотворительные ярмарки. Её любили все.

Артём не любил её, но и не ненавидел. Просто знал, что она существует.

За день до трагедии он увидел её в школьном дворе. Она стояла за тополями, спрятавшись, и слушала. Его отец разговаривал с кем-то. Умолял:

— Оставьте нас в покое! У меня жена больна, сын — школьник. Если Барон узнает — нас убьют.

— Вы наш единственный шанс, Лазарев. Подумайте о будущих жертвах.

Отец ушёл — ссутулившись, сломленный. А Юля вышла из-за тополей. Бледная, с широко распахнутыми глазами. В них горел праведный гнев. Решимость. Она достала телефон и набрала номер.

Артём не слышал, что она говорила. Но он знал. Она звонила родителям. Рассказывала, что подслушала. Она думала, что помогает. Что делает правильно.

Она не знала, что подписала его семье смертный приговор.

Потому что у Барона были уши везде. Через час после её звонка он уже знал. Отец Артёма перестал быть водителем. Он стал угрозой. А угрозы устраняют. Быстро. Чисто. Без свидетелей.

***

Это произошло в три часа ночи.

Артём проснулся от хлопка. В окно влетела бутылка с зажигательной смесью. Стекло разбилось. Жидкость разлилась — и всё вспыхнуло мгновенно. Будто дом только и ждал этого.

Дым ударил в лёгкие — едкий, чёрный. Артём вскочил, рванул к двери, схватился за ручку и отдернул руку с воем: металл был раскалённым. Запахло горелым мясом — его собственной плотью.

Из коридора — голос отца:

— Артём! Хватай маму и к окну!

Он пнул дверь. Коридор горел от пола до потолка. Огонь бежал по обоям, лизал семейные фотографии на стенах. Дым был настолько густым, что он почти ничего не видел. Только оранжевое зарево и силуэт отца, бившегося с входной дверью.

Дверь не открывалась. Её заклинило — или заперли снаружи. Артём не думал об этом. Он развернулся и побежал к спальне родителей.

Мать лежала на кровати, белая как простыня, в ночной рубашке с вышитыми ромашками. Её глаза были огромными, полными ужаса и понимания. Она пыталась встать, но ноги не слушались. Болезнь давно забрала у неё силу.

— Артёмка... — прошептала она.

Он бросился к ней, поднял на руки. Она была пугающе лёгкой.

Он пошёл к окну. Ноги скользили по расплавленному линолеуму. Каждый вдох был пыткой. Он кашлял кровью.

И тогда рухнула балка.

Она придавила ноги матери. Мать закричала — таким криком, который он будет помнить всю жизнь.

Он бросился к ней, схватился за балку голыми руками. Кожа трещала, плавилась, сходила пластами. Но он не отпустил. Тянул, тянул...

— Беги, сынок! Живи за нас троих!

— Нет! Я не оставлю тебя!

— Беги! — она почти кричала, но кричать у неё уже не было сил. — Я люблю тебя. Всегда любила. А теперь — беги!

За спиной раздались выстрелы. Отец закричал — и стих. Пламя коснулось её волос. Они вспыхнули мгновенно — как бумага, как сухая трава. Её лицо исказилось. Рот открылся в беззвучном крике. Глаза закрылись.

В этот момент что-то в Артёме сломалось. Навсегда.

Что-то внутри — там, где у людей живёт надежда, вера, способность любить — треснуло, раскололось и умерло.

Он хотел закричать, но крик застрял в горле, как кусок расплавленного металла.

Он хотел остаться, умереть вместе с ней. Но мать смотрела на него сквозь огонь, сквозь дым, сквозь боль. И её взгляд говорил: живи.

Это было приказом. Последним приказом матери, который нельзя не выполнить.

Артём развернулся. Разбил окно локтем и прыгнул. За секунду до того, как крыша рухнула, похоронив под собой всё, что он когда-либо любил.

***

Он лежал на сырой, холодной траве.

Обожжённый. Окровавленный. Лёгкие хрипели, отказывались дышать. Каждый вдох был агонией.

Вокруг суетились люди. Чьи-то руки накрыли его одеялом. Чей-то голос сказал:

— Скорая едет. Держись, пареньь.

Артём не ответил. Не мог. Он лежал и смотрел в чёрное небо. Только дым застилал всё — густой, жирный, с запахом горелого дерева, пластика и плоти.

Пожарные пытались тушить, но было поздно. Дом сгорел за сорок минут. Осталась только обугленная коробка.

Выли сирены. Кто-то кричал. Кто-то плакал.

Артём не чувствовал ничего. Только пустоту. Бездонную пустоту там, где раньше было сердце.

И тогда он увидел их.

За полицейским оцеплением стояли Волковы. Глеб — высокий, статный, в дорогом пальто. Наталья — элегантная, с идеальной укладкой, даже в три часа ночи. На их лицах было сожаление. Возможно, искреннее. Они сожалели, что их «справедливость» стоила двух жизней.

Но завтра они пойдут дальше. Спасать мир дальше. Для них это была статистика. Неизбежные потери. Цена большого дела.

А рядом с ними стояла она.

Юля.

Десять лет. В розовой пижаме, с растрёпанными рыжими волосами. Она прижимала к груди плюшевого медведя — старого, потрёпанного, с одним глазом. И смотрела прямо на него.

На Артёма. На мальчика, который только что потерял всё. Который пах горелой плотью и дымом, был весь в крови и ожогах. Который не плакал, потому что слёзы высохли ещё там, в огне.

В её глазах была жалость.

Искренняя, настоящая, невыносимая жалость.

Она видела его боль. Ей было его жаль — по-настоящему жаль. Её губы дрожали. Слёзы текли по щекам. Она прижимала мишку к себе сильнее, будто он мог защитить её от этого зрелища.

Наверное, она хотела подбежать, обнять, сказать что-то утешительное.

Но мать держала её за руку. Крепко. Не отпускала за полицейскую ленту.

И в этот момент Артём возненавидел её.

Не Барона, отдавшего приказ. Не киллера. Не её родителей.

А её. Девчонку с жалостливыми глазами. Со слезами, которые ничего не значили.

Потому что её жалость была лицемерной. Она плакала сейчас, но завтра проснётся в своей тёплой постели, обнимет живых родителей, пойдёт в школу, будет смеяться, спасать котят, светить своим огнём.

А его мать превратилась в пепел.

Из-за них. Из-за Волковых. Из-за их «справедливости».

Артём лежал на траве, в луже собственной крови, и шептал одними губами:

— Я заставлю тебя заплатить. Ты потеряешь всё. Так же, как потерял я.

Он сжал обгоревшие кулаки. Кровь потекла снова. Но ему было всё равно.

— И когда ты будешь лежать в грязи, без надежды, без веры, без огня — я посмотрю на тебя и спрошу: «Ну что, Юлия, помогла твоя яркость? Или просто сожгла тех, кто стоял слишком близко?»

Она не слышала. Но он знал: он дождётся. Вырастет. Станет сильным. Найдёт способ.

И уничтожит её. Медленно. Методично. С той же хирургической точностью, с которой она уничтожила его семью — не желая зла, просто делая «добро».

***

Детский дом №3 не был местом для слабых.

Там была иерархия, выстроенная на кулаках, на способности молчать, когда тебя бьют, и на умении исчезать, когда

кто-то ищет жертву.

Артём попал туда через неделю. Выписали из больницы с забинтованными руками, с новыми шрамами на груди и спине, с лёгкими, которые будут хрипеть до конца жизни. Родственников не было — мать сестра отказалась. «У меня свои дети. Мне некогда заниматься чужими проблемами».

Его привезли в серое здание на окраине. Пахло хлоркой, кислой капустой и чем-то затхлым, въевшимся в стены за десятилетия.

В первый же день его избили. Мальчики с мёртвыми глазами ждали его в душевой. Пинали. Воспитательница сделала вид, что ничего не заметила.

На второй день отобрали вещи — выцветшую фотографию матери, носки, которые она связала.

Он не сопротивлялся. Просто смотрел. Молчал. Его глаза уже тогда становились пустыми.

Он быстро выучил главный урок: если тебя жалеют — ты жертва. Если ты жертва — тебя добьют.

Поэтому он перестал показывать боль. Стал тенью. Невидимкой. Днём сидел на задней парте и молчал. Ночью не спал — сон приносил кошмары. В снах он снова был в огне. Снова слышал крик матери.

Внутри горела ненависть. Она была единственным теплом, единственным смыслом. Единственной причиной жить.

Он ненавидел Барона — но Барон был недосягаем. Ненавидел киллера — но тот исчез. Ненавидел систему — но с системой не борются.

Но Волковы... Волковы были реальными. Их дочь училась в школе. И однажды он до неё доберётся.

Это знание согревало его лучше любого одеяла.

***

Через год его усыновили.

Семья Громовых — богатые, влиятельные, холодные. Виктор Громов пришёл в детский дом холодным ноябрьским днём. Высокий, широкоплечий, в дорогом костюме, с лицом, вырубленным из гранита. Он прошёлся по спальне, где дети выстроились в ряд — все вымытые, причёсанные, с одинаково пустыми глазами. Оценивал, как покупатель выбирает товар.

Остановился перед Артёмом.

— Как тебя зовут?

— Артём.

— Фамилия?

Пауза. Артём не хотел произносить фамилию отца. Это было всё, что от него осталось.

— Громов, — выдавил он.

Виктор усмехнулся. Холодно. Без юмора.

— Хороший выбор.

Через неделю Артём жил в особняке. Ему дали комнату больше, чем вся его прежняя квартира, новую одежду, новое имя — Артём Громов, сын успешного бизнесмена.

Но не дали тепла. Громовы не умели быть тёплыми.

Через месяц он понял: его усыновили не из доброты. Им нужен был наследник. Управляемый. Холодный.

Виктор обучал его лично:

— Эмоции — это бреши в броне. Чувствуешь гнев? Используй. Чувствуешь страх? Задави. Чувствуешь любовь? Забудь об этом слове. Любви не существует. Есть выгода, необходимость и привязанность, которую можно эксплуатировать.

Артём впитывал это как губка. Это объясняло мир. Если любви не существует — значит, он ничего не потерял в ту ночь. Просто иллюзия сторе́ла вместе с домом.

Он стал лучшим учеником. Без друзей, без увлечений. Только цель. Только план.

В восемнадцать он выбрал себе никнейм: Obsidian. Вулканическое стекло. Чёрное, острое, рождённое в огне. Им можно порезаться, даже не заметив, пока кровь не потечёт.

И он не забыл о Юле. Никогда. Следил через интернет. Читал её посты, изучал её жизнь. Хотел знать всё. Чтобы, когда придёт время, ударить точно — туда, где больнее всего.

***

Артём вернулся из воспоминаний.

Стакан опустел. За окном горели огни ночного города — тусклые, равнодушные, холодные.

Усталость накатывала волнами — не физическая, душевная. Та, что накапливается годами и не уходит после сна.

Его ненависть к Юле была выдержанной, как яд, настаивавшийся одиннадцать лет. Но сегодня она всколыхнулась. После того, как он увидел её вживую. Испуганную. Злую. Красивую. С огнём в глазах.

Он подошёл к ноутбуку, открыл папку «Волковы — досье». Там было всё: финансовые отчёты, медицинские вы-

писки, записи разговоров. Он знал о них больше, чем они сами о себе.

И знал то, чего Юля не знала.

После той ночи Волковы получили свои награды. Статьи с заголовками «Герои нашего времени». Медаль матери Юли «За заслуги перед городом». Слава.

Но Барон не забыл. Он не стал убивать — слишком просто. Он сделал хуже.

Спустя год карьера Глеба Волкова рухнула. Коррупционный скандал, поддельные счета, фиктивные документы. Всё идеально, неопровержимо.

Счета заморозили. Имущество конфисковали. Особняк, машины, сбережения — всё ушло с молотка.

Заголовки в газетах сменились: «Правозащитники-оборотни», «Благотворительность как бизнес», «Волковы: от героев до мошенников за год».

Друзья отвернулись. Никто не хотел помогать.

Теперь они жили в хрущёвке. Отец, некогда блестящий адвокат, сутками пытался найти хоть какой-то заработок. Мать после инсульта была прикована к постели, медленно

угасая.

Судьба наказала их их же оружием.

Артём смотрел на фотографии — Глеб Волков, согнутый, седой, с потухшими глазами. Наталья Волкова, с перекошенным после инсульта лицом.

— Вы хотели спасти мир, — прошептал он. — Начните с себя.

***

Внутри боролись два зверя.

Первый — тот шестнадцатилетний мальчик, клявшийся отомстить. Который хотел видеть её сломленной, разрушенной, лишённой надежды. Этот зверь требовал крови.

Второй зверь был опаснее. Он заставлял снова и снова прокручивать в памяти, как она смотрела на него сегодня — с вызовом, с этой дурацкой верой в добро. Как её пальцы впились ему в грудь, будто она могла пробить броню.

Этот зверь не хотел её смерти. Он хотел её. Душу. Огонь. Хотел сломать, переделать, присвоить. Хотел, чтобы она смотрела на него не с ненавистью — с чем-то другим. С чем-то, чего он никогда не знал и боялся назвать.

Артём ударил ладонью по стеклу. Боль отрезвила.

— Ты думаешь, что спасаешь мать, — сказал он своему отражению. — Но тыходишь в мой ад. И я не выпущу тебя, пока ты не станешь такой же мёртвой внутри, как я.

Он открыл файл с планом. Там было расписано всё: какие рычаги нажимать, какие нити дёргать.

— Твоя очередь, Юлия. Завтра ты поймёшь: падать больнее, чем летать.

Он не лёг спать. Сел в кресло у окна, смотрел, как медленно занимается рассвет. Город просыпался — грязный, равнодушный, жестокий.

А Юля будет первой, кто узнает, каково это — смотреть в глаза тьме и понять: тьма улыбается в ответ.

Артём сжал подлокотник. Сердце билось слишком быстро.

Но он убеждал себя: это просто предвкушение.

Только предвкушение. И ничего больше.

Глава 4

Глава 4: Ночной шёпот сети

Ночь в старой хрущёвке никогда не была тихой.

Юля лежала на продавленном диване в своей комнате — девять квадратных метров, где помещалась вся её жизнь: стол у окна, этот диван, купленный на «Авито» за две тысячи, полка с книгами, которых становилось всё меньше. Она смотрела в потолок, где медленно расползлась тёмная трещина, похожая на молнию, застывшую в бетоне.

Она знала эту трещину с детства.

Тогда, когда они ещё жили в другом доме — светлом, с высокими потолками и паркетом, который скрипел уютно, — эта трещина была в подвале, куда её пускали играть. Тонкая. Едва заметная. Просто линия на стене, о которую никто не думал.

Теперь она была здесь. В этой комнате. Над её головой. Разросшаяся, как болезнь, которую нельзя остановить. Широкая, глубокая, с ответвлениями, тянущимися к углам комнаты, будто пытаясь разорвать пространство пополам.

Как болезнь матери.

Как их жизнь.

В комнату просачивались звуки — те, что составляли саундтрек её новой реальности. Водопровод гудел где-то в стенах — низко, утробно, будто в трубах умирало что-то живое. Этот звук не прекращался никогда. Днём его заглушали другие шумы, но ночью он выходил на первый план, монотонный и безжалостный, как метроном, отсчитывающий время до конца.

За стеной надрывно кашляла мать.

Этот кашель Юля различала из тысячи. Сухой, мучительный, бесконечный — он звучал так, будто кто-то медленно разрывал старую ткань, дюйм за дюймом, методично, неостановимо. Пауза. Вдох — хриплый, со свистом. Потом снова кашель. Раз. Два. Три. Четыре. Долгая пауза, в которую Юля не дышала, считая секунды, молясь, чтобы следующий вдох всё-таки пришёл.

Приходил. Пока.

А из кухни доносилось другое.

Отец всхлипывал.

Юля замерла, прислушиваясь. Ей хотелось, чтобы это был скрип стула или шум ветра в вентиляции. Но она узнавала этот звук. Тихий. Сдавленный. Он думал, что она спит. За-

крывал лицо руками и плакал так, как плачут мужчины, которые всю жизнь учились не плакать. Без звука, почти беззвучно — только прерывистое дыхание и тихие всхлипы, от которых что-то внутри неё сжималось и умирало.

Слёзы текли по его морщинистым щекам и капали на стопку розовых квитанций, которые он перебирал уже в сотый раз за сегодня. Юлия знала — потому что слышала шуршание. Потому что утром эти листки будут мокрыми от его слёз, а цифры на них — чуть размытыми.

Она лежала неподвижно, сжимая одеяло так сильно, что костяшки пальцев побелели, а в ладонях выросли болезненные красные полумесяцы от ногтей.

Не плакала. Слёзы были роскошью, которую она не могла себе позволить. Роскошью для тех, у кого есть время на них. У неё не было времени. У неё было только отчаяние, которое сидело где-то глубоко в груди — тяжёлое, горячее, удушающее. Ком в горле, который нельзя было проглотить, сколько ни старайся. Боль, которая не имела имени, но была везде — в каждой клетке, в каждом вдохе, в каждой мысли.

Двадцать один год. В двадцать один её сверстницы ходили на вечеринки, влюблялись, мечтали о будущем. Строили карьеры, путешествовали, делали селфи в красивых местах с подписями вроде «живу моментом» или «счастье есть».

А она?

Она лежала на продавленном диване, который пах старой тканью и отчаянием, в комнате девять квадратов, и слушала, как умирает её мать, как плачет отец, как трещит по швам их жизнь.

Ирония была такой горькой, что у неё закружилась голова.

Она — Юлия_Fire, спасительница всех обездоленных, голос тех, кого не слышат, та, кто собирала деньги на лечение чужих детей, на корм бездомным животным, на ремонт домов погорельцев — не могла спасти собственную семью.

Её блог читали двадцать тысяч человек. Под каждым постом — десятки комментариев. «Ты вдохновляешь». «Спасибо, что ты есть». «Мир держится на таких, как ты».

Двадцать тысяч человек.

И ни один из них не мог дать ей сорок тысяч рублей на лекарство, которое могло спасти мать.

Потому что они не обязаны, — подумала она жёстко. Потому что это твоя проблема, Юля. Ты кричала о справедливости, пока у тебя было что терять. Теперь ты там, где были те, кого ты спасала. И никто не придёт спасать тебя.

Юля закрыла глаза. Попыталась отключиться. Погрузиться в темноту, которая хотя бы на несколько часов избавит её

от этого кошмара.

Но темнота не была пустой.

В ней ждали лица.

Отец — с опущенными плечами, с потухшими глазами, с руками, которые дрожали, когда он перебирал квитанции. Мать — бледная, худая, с синевой под глазами, которая становилась всё темнее, будто её медленно стирали из реальности. И ещё одно лицо.

Его.

Артём.

Глаза, в которых не отражалось ничего человеческого. Тяжёлый взгляд, от которого хотелось убежать, но ноги не слушались. Голос, низкий и опасный, которым он говорил так спокойно, будто знал заранее, чем всё закончится.

«Добро пожаловать на поле боя, Юлия. Будет интересно».

Она вздрогнула. Открыла глаза. Уставилась в потолок, пытаясь прогнать его образ.

Не получалось.

Он сидел где-то в темноте её сознания — неподвижный, терпеливый, как паук в центре паутины, который знает, что жертва уже запуталась, и нужно только подождать.

Юля села на диване. Обхватила колени руками. Стало холодно — по спине пробежали мурашки, хотя батареи в квартире шипели от перегрева. Холод шёл изнутри. Оттуда, где страх превращался в нечто плотное, осязаемое.

Она посмотрела на телефон, лежащий на полу рядом с диваном.

Экран был тёмным. Но она знала — он там. В этом маленьком прямоугольнике стекла и пластика. Он где-то там, в цифровой темноте, наблюдает, ждёт, готовит следующий ход.

Не думай о нём.

Она легла обратно. Натянула одеяло до подбородка. Закрыла глаза снова.

И тут пришёл сон.

***

Она не сразу поняла, что спит.

Сначала было просто темно. Потом появились звуки — глухие, отдалённые, как будто доносились из-под воды. Треск. Шипение. Что-то, что она не могла опознать, но что заставило её сердце биться быстрее.

Потом пришёл запах.

Гарь.

Едкая, сладковатая, въедающаяся в слизистые. Запах горящего дерева, пластика, ткани, чего-то органического. Юля зажмурилась сильнее — странно, что она чувствует запахи во сне, — но он не исчезал. Становился сильнее. Заполнял всё пространство, лез в нос, в рот, в лёгкие.

Она открыла глаза.

И поняла, где находится.

Дом горел.

Не её дом. Какой-то другой — деревянный, старый, с низкими потолками и маленькими окнами. Она стояла посреди комнаты, и пол под ногами был горячим — настолько горячим, что подошвы жгло сквозь тапки. Стены вокруг пылали — языки пламени бежали по обоям, лизали деревянные панели, пожирали всё на своём пути с жадным шипением.

Дым был густым, чёрным, непроницаемым. Он полз по потолку, как живое существо, сочился из углов, заполнял комнату. Дышать становилось невозможно. Каждый вдох обжигал горло, царапал лёгкие, выдавливал слёзы из глаз.

Юля закашлялась. Закрыла рот рукой, но это не помогало. Дым проникал везде.

— Мама! — закричала она.

Голос сорвался, утонул в рёве пламени.

Она оглянулась. Пыталась понять, где выход. Но всё вокруг было в дыму и огне. Ничего не разглядеть. Только силуэты — тёмные, расплывчатые. И жар. Невыносимый жар, от которого кожа на лице стягивалась, волосы вились, одежда начинала тлеть.

Откуда-то слева донёсся крик.

Женский. Пронзительный. Полный боли и ужаса.

Юля рванула на звук. Споткнулась о что-то — тлеющий ковёр, который расползлся под ногами липкой, горячей массой. Упала на колени. Обожгла ладони о раскалённый пол. Вскочила, зажимая рот рукой, задыхаясь.

— Где ты?! — закричала она в пустоту. — Мама!

Голос не был похож на её собственный. Он был детским. Тонким. Испуганным.

Впереди, сквозь дым, мелькнул силуэт.

Женщина. Она лежала на полу, прижатая чем-то тяжёлым — балкой? брусом? — что-то горящее держало её, не давало встать. Её волосы пылали. Светлые волосы, которые вспыхивали, как солома, с тихим свистом.

Юля бросилась к ней.

— Держись! Я сейчас!

Она схватилась за балку. Попыталась поднять. Дерево было раскалённым. Кожа на ладонях мгновенно покрылась волдырями, треснула. Запах горелой плоти смешался с запахом дыма, и Юля поняла, что это запах её собственной кожи.

Но она не отпускала. Тянула. Тянула изо всех сил.

— Беги, — прошептала женщина.

Юля не видела её лица. Дым был слишком густым. Но видела глаза — огромные, полные слёз и любви.

— Беги, сынок. Живи. За нас троих живи.

Сынок?

Юля замерла.

Это был не её сон.

Это был *его* сон.

И в тот же момент всё вокруг рухнуло. Потолок обвалился с оглушительным грохотом, заваливая всё огнём, дымом, тьмой. Юля закричала — долго, пронзительно, безнадежно.

Она проснулась.

Рывком. С криком, застрявшим в горле. Сердце колотилось так, что, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Всё тело было мокрым от пота. Одежда скомкалась где-то в ногах. Волосы прилипли к лбу.

Юля села на диване, обхватила голову руками и пыталась дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Это был сон. Просто сон.

Но запах гари всё ещё стоял в ноздрях. А на ладонях, там, где во сне были ожоги, кожа горела, будто она и правда дер-

жала раскалённую балку.

Она посмотрела на руки.

Ничего. Просто кожа. Обычная, бледная, с тонкими венами.

Но ощущение оставалось. Липкое. Тяжёлое. Чужое.

Почему мне снится его кошмар?

Она не знала ответа. Не хотела знать.

Юля посмотрела на часы — цифровые, старые, стоящие на столе. 02:14.

Слишком рано, чтобы вставать. Слишком поздно, чтобы заснуть снова.

Она потянулась к телефону.

***

Экран осветил её бледное лицо холодным белым светом. Юля сощурилась, привыкая к яркости. Глаза слезились, голова раскалывалась от усталости, но сон больше не приходил — она знала это по ощущению. После таких снов она не спала до утра.

Она пробежалась по уведомлениям механически, на ав-

топилоте.

Соцсети — ничего интересного. Несколько лайков под старым постом. Два комментария, один из которых был от бота. Банк — напоминание о задолженности. Снова. Мессенджеры — пусто. Никто не писал. Никто не переводил деньги на её призывы о помощи.

Тишина. Цифровая тишина, которая была громче любого крика.

Она уже хотела отложить телефон, когда в верхнем углу экрана всплыло новое уведомление.

Почта. 1 новое письмо.

В два часа ночи.

Юля нахмурилась. Спам обычно приходил днём. Письма от банков и коллекторов — тоже. Ночью никто не писал.

Она открыла приложение.

Одно письмо в папке «Входящие». Отправитель — адрес, составленный из случайного набора букв и цифр: nemo_shadow@proton.me. Ник отправителя просто: N.

Юля уставилась на строку темы.

Сердце пропустило удар.

Тема: 148 причин пересмотреть свои принципы
Сто сорок восемь.

Её баланс. Её позор. Её дно. Цифра, которую она видела на экране телефона несколько часов назад и с тех пор пыталась забыть.

Её никто не мог знать. *Никто.* Она никому не говорила. Даже отцу не сказала точную сумму — просто показала экран, и он кивнул, не запоминая, потому что какая разница, сто сорок восемь или двести, когда тебе нужно сорок тысяч.

Но кто-то знал.

Кто-то видел.

Юля почувствовала, как кровь отливает от лица. Руки, державшие телефон, начали мелко дрожать. Дрожь шла откуда-то изнутри, из того места, где живёт первобытный страх — не рациональный, не объяснимый, просто *страх*.

Пальцы, казавшиеся чужими, открыли письмо.

Текст загрузился медленно. Буква за буквой. Строка за

строкой.

От кого: Nemo nemo_shadow@proton.me

Тема: 148 причин пересмотреть свои принципы

Юлия.

Пока вы тратите время на посты в блоге и призывы к состраданию, ваша мать умирает.

Медленно. В соседней комнате. В дешёвой больничной рубашке, которую вы купили в секонд-хенде. На постели, где простыни не меняли две недели, потому что вы не можете позволить себе частую стирку.

Лекарство «Aeroventin» стоит 40 000 рублей за упаковку. Это на одну неделю. На полный курс нужно десять упаковок — 400 000 рублей. Чистыми. Не считая анализов, визитов врача, дополнительных препаратов.

У вас нет этих денег.

У вас нет даже денег на электричество, которое отключат завтра, если вы не заплатите коллекторам. На хлеб на неделю. На проездной, без которого вы не сможете добраться до волонтёрского центра, где притворяетесь, что контролируете ситуацию.

Я знаю всё о вашей семье.

Я знаю, как Глеб Волков потерял лицензию после сфабрикованного коррупционного дела. Как Наталья Волкова перенесла insult, когда их счета заморозили. Как вы продали всё — от антикварного зеркала до обручальных колец роди-

телей — чтобы оплатить хотя бы часть долгов.

Я знаю, что вы спите в одежде, потому что батареи греют, но старые стены промерзают. Что вы не ели мяса три месяца. Что ваш чай — не «для похудения», а потому что он дешевле, чем нормальные пакетики. Я знаю, как вы ночами лежите и слушаете, как ваша мать кашляет, а отец плачет на кухне, и ненавидите себя за то, что не можете им помочь.

Вы пытаетесь спасти мир, Юлия. Но не можете спасти тех, кто рядом. Тех, кто любит вас.

И это разрушает вас изнутри.

Я предлагаю работу.

Оплата — 500 000 рублей. Сразу. Деньги поступят на вашу карту в момент согласия. Никаких авансов, никаких рассрочек. Просто пятьсот тысяч, которые решат все ваши проблемы.

Мать получит лечение. Отец перестанет плакать по ночам. Вы перестанете ненавидеть себя.

Условия обсудим лично.

Завтра. 23:00. Заброшенный кирпичный завод на окраине города. Сектор Б, второй корпус, третий этаж.

Приходите одна.

Если расскажете полиции или кому-то ещё — ваша мать не доживёт до рассвета. Я не шушу. У меня есть люди. У меня есть доступ. Один звонок — и её прибор жизнеобеспе-

чения, который вы взяли в аренду за тринадцать тысяч в месяц, «случайно» отключится.

Это не угроза, Юлия. Это обещание.

Вы ведь так любите спасать людей? Спасите хотя бы свою семью.

Жду.

— N

***

Юля выронила телефон.

Он упал на диван, отскочил и покатился на пол с глухим стуком. Экран всё ещё светился в темноте — холодным, мёртвым светом, как глаз чудовища, смотрящего прямо на неё.

Она не могла пошевелиться.

Не могла дышать.

Не могла думать.

Сердце колотилось так, что в ушах стоял гул — ровный, оглушающий, как сирена. Оно билось в горле, в висках, в кончиках пальцев. Кровь пульсировала так сильно, что тело, казалось, сейчас разорвётся.

Её трясло.

Мелко. Противно. Предательски. Она обхватила себя руками, попыталась согреться, остановить дрожь, но тело не слушалось.

Вопросы взрывались в голове один за другим, как петарды.

Кто это?

Откуда он знает?

Как он узнал про 148 рублей?

Как он знает про простыни?

Про чай?

Про то, что я не ем мясо?

Она перебирала в уме всех, кто мог знать её финансовое положение. Никто. Абсолютно никто. Даже подруг у неё не осталось — все отвернулись, когда она перестала ходить в кафе и на концерты, потому что не было денег.

Банк не рассылает такие письма. Коллекторы пишут по шаблону. Мошенники не знают деталей.

Это был не спам.

Это был кто-то реальный. Кто-то, кто следил за ней. Кто залез в её жизнь. Кто знал о ней всё — от баланса счёта до того, что она ест на завтрак.

И вдруг в голове щёлкнуло.

Артём.

Юля замерла.

Тот мужчина из центра. С чёрными глазами, которые смотрели на неё так, будто он видел насквозь. С голосом, низким и опасным, которым он говорил медленно, с паузами, от которых мурашки шли по коже. Со словами, которые впивались под кожу, как занозы: *«ты лечишь симптомы, а не болезнь»*, *«твоя яркость — это шум»*.

Он знал.

Он с самого начала знал.

А она... она думала, что это просто совпадение. Что он — обычный волонтер. Ещё один циник, который пришёл поглазеть на её работу.

Как же ты ошибалась, Юля.

Она нашарила телефон на полу. Подняла дрожащими руками. Экран треснул ещё сильнее — новые паутинки разбе-

жались от старого скола, будто кто-то специально ударил в самое слабое место.

Перечитала письмо. Каждое слово. Каждую строчку. Медленно. Вдумчиво.

С каждым прочтением паника уступала место чему-то другому.

Ярости.

Глухой. Тёмной. Отчаянной. Ярости загнанного зверя, которого загнали в угол и думают, что он сдастся.

«Вы ведь так любите спасать людей, Юлия? Спасите хотя бы свою семью».

Это было издевательством.

Он издевался над ней. Над её болью. Над её бессилием. Превратил её жизнь в спектакль и теперь предлагал деньги, как подачку.

Юля сжала телефон так сильно, что экран треснул снова — там, где была новая паутинка, появилась целая сеть трещин, острых, как лезвия.

Она хотела ответить. Написать всё, что о нём думает. По-

слать его к чёрту. Сказать, что она не продаётся. Что её нельзя купить. Что она скорее умрёт, чем...

Пальцы замерли над экраном.

Пятьсот тысяч рублей.

Сумма, которая могла спасти мать. Которая могла оплатить лекарства на полгода. Свет. Воду. Еду. Квартплату. Врачей. Анализы. Всё. Которая могла дать им хотя бы передышку. Хотя бы месяц, когда они не будут думать о том, что завтра нечем платить.

Юля посмотрела в сторону кухни.

Оттуда доносился тихий всхлип. Отец. Он всё ещё сидел там, перебирал квитанции и плакал, думая, что она спит.

Из соседней комнаты — кашель. Матери. Надрывный, мучительный, с долгой паузой после, которая каждый раз казалась последней.

Юля закрыла глаза.

Вспомнила, как мать улыбалась ей в детстве. Как пекла пироги по воскресеньям — с яблоками и корицей, которые пахли на весь дом. Как гладила её по голове перед сном и говорила: *«Ты у меня особенная, Юля. Ты можешь всё, если захочешь»*.

Вспомнила, как отец учил её кататься на велосипеде. Как бежал рядом, держа за седло, а потом отпускал, и она летела сама, и кричала от счастья. Как он обнял её на выпускном и сказал: *«Я горжусь тобой, дочка. Ты изменишь этот мир»*.

И вспомнила, как всё рухнуло.

Как отец пришёл домой с пустыми глазами и просто сказал: *«У нас ничего нет»*. Как мать упала на кухне, и скорая ехала сорок минут по пробкам, а она держала её за руку и молилась любому богу, чтобы она не умерла. Как они продавали вещи — одну за другой, надеясь, что вот ещё немного, и всё наладится.

Ничего не налаживалось.

Это была их новая жизнь. Долги, болезнь, нищета. И медленное умирание — не мгновенное, а растянутое на месяцы. Самое жестокое.

Юля открыла глаза. Посмотрела на письмо.

Она не знала, кто этот N. Не знала, чего он хочет. Не знала, какую цену ей придётся заплатить.

Но знала одно: если она не пойдёт — мать умрёт.

А она не могла этого допустить.

Даже если для этого придётся продать душу.

Она сделала скриншот письма. Спрятала в защищённую папку с паролем. Удалила оригинал из входящих.

Потом открыла заметки. Набрала сообщение. Не N — самой себе. Чтобы запомнить. Чтобы не забыть, кто она и почему она это делает.

«Я приду. Но если это ловушка — я найду способ уничтожить тебя. Клянусь всем, что у меня осталось — а это немного — я найду способ. Даже если мне придётся сгореть вместе с тобой».

Сохранила. Не отправила. Просто оставила там, в черновиках, как обещание самой себе.

Потом выключила телефон. Убрала его под подушку.

Дрожь не проходила. Она легла на бок, подтянула колени к груди, натянула одеяло до подбородка.

Лежала так долго. Слушала, как за стеной кашляет мать. Как на кухне всхлипывает отец. Как гудят трубы в стенах. Как тикают часы — громко, размеренно, отсчитывая время

до завтра. До 23:00. До момента, когда она переступит черту, за которой возврата уже не будет.

Где-то глубоко внутри, в самом тёмном углу души, разгоралось пламя.

Не яркое. Не праздничное. Тёмное. Опасное. Голодное. То самое, которое может либо согреть, либо сжечь дотла всё, чего коснётся.

Юля не знала, что ждёт её на заводе. Не знала, кто такой N. Не знала, сможет ли она вернуться прежней.

Но знала одно: **выбора у неё нет.**

***

06:27.

Часы на тумбочке показывали время тусклыми красными цифрами. Юля смотрела на них уже десять минут — просто смотрела, не моргая, пока глаза не начали слезиться.

Будильник должен был зазвонить в 6:30. Она выключила его заранее. Не хотела, чтобы этот резкий, механический звук разорвал тишину — ту хрупкую тишину, которая наступила где-то под утро, когда отец наконец заснул на кухне, а мать перестала кашлять.

Юля поднялась с дивана медленно, осторожно, как ста-

руха. Всё тело болело — не от физической нагрузки, а от той позы, в которой она пролежала всю ночь, скрючившись, сжавшись в комок под тонким одеялом. Шея затекла. Поясница ныла. В плечах будто засели иголки.

Она села на краю дивана, опустила ноги на холодный линолеум и замерла.

За окном был рассвет.

Серый. Мутный. Некрасивый. Небо висело над городом тяжёлым свинцовым пологом, из которого не пробивалось ни единого луча солнца. Просто серая масса, давящая сверху, лишаящая воздуха. Ноябрьское небо, которое обещало дождь, слякоть, холод — и ничего больше.

Юля подошла к окну. Прислонилась лбом к холодному стеклу.

Снаружи город просыпался медленно, нехотя. Редкие машины ползли по дороге с включёнными фарами. Окна в соседних домах загорались одно за другим — жёлтые квадраты в сером, как глаза, открывающиеся неохотно, зная, что впереди ещё один день, который ничем не отличается от вчерашнего.

Дождь начался без предупреждения.

Мелкий, колючий, противный. Он барабанил по стеклу,

стекал вниз кривыми дорожками, превращая город в размытое пятно.

Юля смотрела на дождь и чувствовала, как что-то внутри неё медленно сжимается. Не от страха. От усталости. Бесконечной, смертельной усталости человека, который слишком долго держался и понял, что больше не может.

Она подумала о том, чтобы не идти.

Просто не идти. Пропустить эту встречу. Удалить письмо. Забыть. Сделать вид, что ничего не было. Продолжить жить как раньше — в долгах, в нищете, в этой медленной агонии — но хотя бы честно. Без сделок. Без того, кто называет себя N.

Но тогда что?

Тогда мать умрёт. Через неделю. Через две. Максимум — через месяц. Врач сказал это прямо, без обиняков: *«Без лечения у неё нет шансов. Лёгкие разрушаются. Это вопрос времени»*.

Тогда отец сломается окончательно. Она уже видела это — видела, как в его глазах с каждым днём остаётся всё меньше жизни, как будто кто-то медленно гасил свет, лампочку за лампочкой.

Тогда она останется одна.

В этой квартире. С долгами. С воспоминаниями. С виной, которая будет жрать её изнутри до конца дней — виной за то, что не смогла. Не спасла. Не сделала то, что должна была сделать.

Нет, — подумала она жёстко. *Не будет этого. Я не позволю.*

Юля отстранилась от окна. Прошла в крохотную ванную комнату — два квадратных метра, где помещались только раковина, унитаз и узкая душевая кабина с треснутым поддоном.

Включила холодную воду. Подставила лицо под струю.

Ледяная вода ударила по коже, выбила дыхание, заставила сжаться каждую клетку. Но это помогло. Это разбудило. Это вернуло в реальность.

Она умылась долго, методично. Потом выпрямилась и посмотрела на своё отражение в облупленном зеркале.

Та, что смотрела в ответ, выглядела старше двадцати одного.

Бледное лицо. Синяки под глазами — тёмные, фиолетовые, будто кто-то размазал краску под нижними веками.

Запавшие щёки. Сухие губы. Рыжие волосы, растрёпанные, потускневшие — когда-то они были яркими, огненными, а теперь казались выцветшими, будто кто-то выкрутил насыщенность цвета.

Только глаза остались прежними.

Зелёные. Яркие. С тем самым огнём, который не гас, несмотря ни на что.

Юля смотрела в эти глаза долго.

Потом прошептала — тихо, только для себя:

— Я не сдамся. Что бы это ни было. Я пройду через это. И я выживу.

Отражение не ответило. Просто смотрело в ответ — с вызовом, с яростью, с тем тёмным пламенем, которое тлело где-то в глубине.

Юля вышла из ванной. Оделась в ту же одежду, что была вчера — джинсы, чёрная водолазка, старая рыжая куртка. Не было сил думать о другом. Не было времени.

Она пошла на кухню. Тихо, не включая свет.

Отец спал прямо за столом. Голова лежала на согнутых руках. Рядом — стопка розовых квитанций, смятых и мок-

рых. Его лицо, даже во сне, было напряжённым, с морщинами, которые не разглаживались.

Юля остановилась в дверях. Смотрела на него несколько секунд.

Потом подошла. Осторожно накрыла его плечи пледом, который висел на спинке стула. Поправила квитанции, чтобы они не упали.

Не разбудила. Просто постояла рядом, слушая его дыхание — тяжёлое, неровное, с тихим всхрапыванием.

Я сделаю это ради тебя, пап, — подумала она. *Ради мамы. Ради нас.*

Потом ушла. Бесшумно. Как тень.

За окном дождь усилился. Город тонул в сером.

Юля стояла в прихожей, натягивая куртку, и смотрела на дверь.

Сегодня она пойдёт на работу в центр. Будет улыбаться. Помогать. Делать вид, что всё в порядке.

А вечером...

Вечером она пойдёт туда, где её ждёт N. На заброшенный завод. В темноту. В ловушку.

Потому что выбора нет.

Потому что пятьсот тысяч — это жизнь матери.

Потому что она — огонь. А огонь не сдаётся.

Он просто ищет, что сжечь.

Глава 5

Глава 5: Завод. Тишина перед бурей

Весь следующий день Юля жила как в тумане.

Не в метафорическом. В настоящем — плотном, липком, который обволакивал сознание и не давал думать. Мысли скользили, как капли по стеклу, не задерживаясь, не складываясь в целое. Она пыталась за них ухватиться, но они ускользали, оставляя только смутное ощущение тревоги, которая росла с каждым часом.

Она не пошла в волонтерский центр. Написала Насте короткое сообщение: *«Плохо себя чувствую. Завтра приду»*. Ответ пришёл моментально — *«Выздоровливай!»* с тремя сердечками. Юля посмотрела на эти сердечки долго, пока экран не погас. Интересно, поставит ли Настя их, когда узнает правду?

Какую правду? То, что я иду на встречу с незнакомцем, который шантажирует меня? То, что я готова продать себя за деньги?

Она не открыла блог. В уведомлениях висели сотни сообщений — вопросы подписчиков, просьбы о помощи, репосты, комментарии. Обычно она отвечала на всё. Немедленно. С энергией, с теплотой, с этой её дурацкой верой, что каждый ответ важен.

Сегодня она просто посмотрела на цифру — **347 непро-**

читанных— и выключила уведомления.

Юлия_Fire молчит. Огонь погас.

Она не ответила ни на одно сообщение. Не написала ни одного поста. Просто сидела на подоконнике в своей комнате, поджав под себя замёрзшие ноги, сжимая в руках телефон, и смотрела, как серое ноябрьское небо медленно темнеет, превращаясь в чёрное полотно, усыпанное редкими, тусклыми звёздами.

За окном город жил своей жизнью — машины ползли по дорогам, окна в домах загорались один за другим, люди возвращались с работы, кто-то готовил ужин, кто-то смеялся, кто-то ругался. Обычная жизнь обычных людей.

А она сидела здесь. И ждала.

Ждала, когда часы покажут десять, чтобы выйти из дома и отправиться туда, откуда, возможно, не вернётся прежней.

Мысли в голове путались, как колючая проволока. Каждая попытка распутать их приводила только к новым порезам.

Кто он? Чего хочет? Почему выбрал меня?

Ответов не было. Только вопросы, которые въедались в мозг, как кислота, выжигали изнутри, не давали думать ни о чём другом.

Она почти не ела. Утром заварила чай, но так и оставила его на столе — остыл, покрылся плёнкой. В обед отец принёс ей бутерброд. Она откусила кусок, разжевала, проглотила — и от вкуса едва не вырвало. Не от того, что было невкусно. Просто горло было сжато так, что глотать было физически

больно.

Она не разговаривала с отцом. Он заходил несколько раз, смотрел на неё с тревогой, пытался что-то сказать — но слова застревали у него в горле. Он видел, что с ней что-то не так. Но боялся спрашивать. Боялся услышать ответ, который не сможет исправить.

В шесть вечера мать позвала её.

Юля пришла в спальню. Мать лежала на кровати, укутанная в одеяло, бледная, с синевой под глазами, которая становилась всё темнее. Она улыбнулась слабо, когда Юля вошла.

— Юленька, — голос её был тихим, придушенным. — Ты что-то не в себе сегодня. Что-то случилось?

Юля присела на край кровати. Взяла тонкую, холодную руку матери в свою.

— Всё хорошо, мам. Просто устала.

Мать посмотрела на неё долгим взглядом — тем самым, которым матери всегда смотрят, когда знают, что ты врешь, но не хотят давить.

— Ты слишком много берёшь на себя, солнышко, — прошептала она. — Ты должна жить. Для себя. Не надо всё тащить на своих плечах. Ты же не атлант.

Я атлант. Я держу наш мир. И он разваливается.

Юля сжала её руку сильнее.

— Я справлюсь, мам. Обещаю. Скоро всё наладится.

Скоро ты получишь лекарство. Скоро тебе станет лучше. А мне... мне уже не будет.

Она поцеловала мать в лоб — холодный, влажный от пота — и вышла из комнаты, пока та не увидела слёз.

В 22:00 Юлия начала собираться.

Надела чёрные джинсы — старые, выцветшие, с дыркой на колене, которую она зашивала трижды. Тёплый свитер — серый, колючий, купленный в секонд-хенде за сто пятьдесят рублей. Старые ботинки на толстой подошве — ту самую обувь, в которой не жалко идти по грязи, по лужам, по битому стеклу.

Одежда, в которой не жалко умереть.

Она собрала волосы в тугий хвост на затылке, чтобы не мешали. Посмотрела на себя в зеркало.

Бледное лицо. Зелёные глаза, в которых вместо привычного огня горело что-то тёмное, тяжёлое. Впавшие щёки. Сухие губы. Тёмные круги под глазами.

Я не узнаю себя.

Она отвернулась от зеркала.

Взяла телефон. Проверила адрес ещё раз. **Заброшенный кирпичный завод, окраина города, сектор Б, второй корпус.** Координаты. Карта показывала, что это в сорока минутах езды от центра.

Засунула телефон в карман. Надела куртку — рыжий пуховик, который когда-то был ярким, а теперь выцвел и облез по швам.

Вышла из комнаты.

Отец стоял в коридоре. Он ждал её. В руках держал чашку

оставшего чая, но не пил. Просто держал, как будто не знал, что ещё делать руками.

— Юль, ты куда? — спросил он тихо.

Голос дрогнул на последнем слоге.

Юля не могла на него смотреть. Смотрела в пол, на облупившийся линолеум.

— Встретиться с подругой, — соврала она. — По работе. Волонтёрское дело. Не жди, я задержусь.

Пауза.

Долгая. Тяжёлая.

— Юля, — голос отца стал тише, почти шёпотом. — Я не дурак. Я вижу, что с тобой что-то происходит. Если у тебя проблемы... я могу помочь. Не со всем, но...

— У меня нет проблем, пап, — перебила она резче, чем хотела. — Всё в порядке. Правда.

Она подняла голову. Посмотрела ему в глаза. Улыбнулась — натянуто, фальшиво, но он всё равно поверил. Потому что хотел верить.

— Хорошо, — выдохнул он. — Береги себя, дочка.

Я продаю себя, пап. Чтобы спасти маму. Чтобы спасти тебя. Чтобы вы могли дышать.

Она кивнула. Вышла за дверь. Закрыла её тихо, осторожно, чтобы не хлопнула.

И только тогда позволила себе выдохнуть.

Холодный ноябрьский ветер ударил в лицо сразу, как только она вышла на улицу. Обжёг щёки, залез под ворот-

ник куртки, забрался в рукава. Город спал — тусклые окна, редкие прохожие в капюшонах, пустые улицы, по которым ползли редкие машины с задумчивыми фарами.

Юля шла к остановке быстро, почти бегом, боясь, что если остановится — развернётся и побежит домой. Заберётся под одеяло. Закроет глаза. Сделает вид, что ничего не было.

Но она не могла.

Мать умирает. 148 рублей. Кашель по ночам. Отец, плачущий на кухне. Это единственный шанс.

Она поймала такси через приложение. Машина подъехала через три минуты — белая «Лада», выдавшая виды, с помятым крылом и треснутой фарой.

Водитель — пожилой мужчина с уставшими глазами и седыми усами — покосился на неё, когда она назвала адрес.

— Девушка, — сказал он медленно, будто взвешивая каждое слово. — Вы уверены? Там окраина. Заводы заброшенные. В такое время...

— Да, — ответила Юля коротко, захлопывая дверь. — Уверена. Пожалуйста, быстрее.

Он не стал спорить. Только покачал головой, завёл машину и нажал на газ.

Они ехали молча.

Юля смотрела в окно, но не видела ничего. Город проплыл мимо — спящие микрорайоны с одинаковыми панельками, торговые центры с погасшими неоновыми вывесками, мосты над чёрной, холодной водой. Редкие фонари размазы-

вали жёлтые пятна света по мокрому асфальту.

Чем дальше они ехали, тем меньше становилось огней. Тем темнее становился город. Тем больше пустых зданий, заколоченных окон, заброшенных территорий, куда не ездят автобусы и не заходят люди.

Водитель молчал. Но несколько раз бросал на неё взгляд в зеркало заднего вида — тревожный, вопросительный.

Хочет спросить, что я там забыла. Хочет отговорить. Но не решается.

Через тридцать пять минут машина затормозила.

— Дальше не поеду, — сказал водитель твёрдо. — Место глухое. Дороги нет. Вы уверены...

— Да, — перебила Юля. — Спасибо.

Она расплатилась и вышла из машины.

Холод ударил мгновенно — пронизывающий, влажный, въедающийся в кости. Она стояла перед покосившимся забором из ржавой сетки-рабицы, за которым темнели силуэты заброшенных зданий.

Водитель не уехал сразу. Смотрел на неё через опущенное стекло.

— Девушка, может, я подожду? — спросил он. — Здесь опасно...

— Не надо, — ответила Юля, стараясь улыбнуться. — Всё хорошо. Меня встретят.

Меня встретит тьма.

Он всё-таки уехал. Красные огни его машины исчезли за

поворотом, и Юля осталась одна.

В полной темноте. В полной тишине. В холоде, который обжигал лёгкие.

Она посмотрела на часы. **22:47.**

Пришла раньше. На всякий случай. Чтобы осмотреться. Чтобы понять, есть ли выход, если что-то пойдёт не так.

Но ты же знаешь, что выхода нет. Ты знала это с самого начала.

Юля сделала глубокий вдох — холодный воздух обжёг горло — и шагнула в темноту.

***

Первое, что она почувствовала — запах.

Не просто запах. Атмосферу, материализованную в обонятельных рецепторах. Запах, который въедался в слизистые, оседал в лёгких, пропитывал одежду.

Сырость. Плесень. Ржавчина. Что-то сладковатое, приторное — как от гниющего дерева или старой крови. Мазут. Машинное масло. Бетонная пыль. И ещё что-то — металлическое, острое, от которого сводило скулы.

Запах смерти.

Запах места, где люди работали, жили, а потом бросили — и оно начало медленно разлагаться, как труп.

Юля шла по битому кирпичу, перешагивая через обломки досок, куски арматуры, осколки стекла. Под ногами хрустело. Каждый шаг отдавался эхом, которое разносилось по пустым цехам и возвращалось искажённым, чужим.

Фонари не горели. Луна пряталась за тяжёлыми тучами, сочилась сквозь них слабым, мутным светом, которого едва хватало, чтобы различать силуэты.

Юля достала телефон. Включила фонарик.

Тонкий луч света выхватил из темноты:

— Разбитые окна, похожие на пустые глазницы черепа.

— Обвалившуюся крышу, через которую виднелось небо.

— Груды мусора — ржавые бочки, сломанные станки, куски труб.

— Граффити на стенах — выцветшие, старые, с нецензурными надписями и странными символами.

— Птичий помёт. Много. Везде.

Она шла, и с каждым шагом пространство вокруг становилось всё более давящим. Стены смыкались. Потолок нависал. Тени удлинялись и искривлялись, превращаясь в монстров, которые следили за ней из углов.

Это место живое. Оно наблюдает. Ждёт.

Сектор Б.

Она нашла табличку через десять минут блужданий — ржавую, покосившуюся, с едва различимыми буквами. Стрелка указывала влево, в ещё более тёмную часть территории.

Юля пошла туда.

Здание завода встретило её тишиной.

Не обычной тишиной. Абсолютной. Той, что давит на барабанные перепонки, заставляет слышать собственный пульс, собственное дыхание, каждый шорох одежды.

Она переступила порог — бетонный, высокий, с торчащей арматурой — и замерла.

Цех.

Огромный. Промышленный. Пустой.

Потолок — метров десять высотой, с ржавыми балками, с которых свисали оборванные тросы. Стены — голый бетон, местами осыпавшийся, обнажающий кирпичную кладку. Пол — бетонный, потрескавшийся, покрытый масляными пятнами и пылью. Окна — выбитые, некоторые заколочены досками, некоторые просто зияют чёрными провалами.

Посередине цеха стояли станки. Огромные, мёртвые, покрытые слоем ржавчины. Токарные. Фрезерные. Прессы. Они возвышались как памятники индустриальной эпохе, которая умерла и не воскреснет.

И посреди этого мёртвого пространства, спиной к ней, стоял *он*.

Юля замерла на пороге.

Сердце ухнуло вниз, потом забилось бешено.

Артём стоял в центре цеха, рядом с одним из станков — массивным, стальным, похожим на алтарь.

Он был в длинном чёрном пальто — дорогом, кашемиро-

вом, которое доходило почти до колен. Под ним угадывался тёмный костюм. Руки в карманах. Спина прямая. Голова чуть склонена, будто он рассматривал что-то на полу.

Он не двигался.

Просто стоял. И ждал.

Сколько он здесь? Час? Два? Или только что пришёл, как и я?

Юля медленно вошла внутрь. Каблуки её ботинок стучали по бетону — гулко, отчётливо, разнося эхо по пустому пространству.

Она сделала пять шагов. Семь. Десять.

Остановилась в десяти метрах от него.

— Я знал, что ты придёшь, — произнёс он, не оборачиваясь.

Голос. Тот самый — низкий, рокочущий, с тёмным, хриплым обертоном. Голос, который она слышала в волонтерском центре. Голос, от которого мурашки бежали по коже.

Он разносился по цеху, отражался от стен, усиливался пустотой, становился объёмным, всепроникающим.

— Ты всегда приходишь, Юлия. Потому что ты не умеешь отступать. Даже когда нужно.

Он медленно повернулся.

И Юлия забыла, как дышать.

В тусклом лунном свете, пробивавшемся сквозь дыры в крыше, его лицо казалось вырезанным из чёрного мрамора.

Резкие скулы, отбрасывающие тени. Волевая линия челю-

сти. Тонкие губы, плотно сжатые. Прямой нос с лёгкой горбинкой. Тёмные, коротко стриженные по бокам волосы, которые сверху были длиннее и падали на лоб небрежно, будто он провёл по ним рукой и забыл пригладить.

И глаза.

Чёрные. Бездонные. Без единого проблеска света.

Они смотрели на неё так, будто видели насквозь. Не тело. Душу. Все её страхи. Все её слабости. Все её тайны.

Он стоял, заложив руки в карманы пальто, и просто *смотрел*. Не двигался. Не говорил. Просто смотрел — с той интенсивностью, от которой хотелось отвести взгляд, но было невозможно.

Юля стояла, вцепившись в ремень сумки, и чувствовала, как дрожат ноги.

— Это ты, — сказала она. Голос дрогнул. — Ты написал то письмо. Ты — N.

Молчание.

Долгое. Тягучее.

Потом он медленно, очень медленно кивнул.

— Да.

Одно слово. Простое. Страшное.

— Зачем? — голос Юли стал громче, отчаяннее. — Зачем я здесь? Чего ты хочешь от меня?!

Артём сделал шаг к ней.

Медленно. Размеренно. Каждый его шаг отдавался гулким эхом, которое разносилось по цеху, усиливалось, пре-

вращалось в гром.

— Я хочу, — произнёс он тихо, — чтобы ты перестала играть.

— Что?

Ещё шаг. Ещё.

Расстояние между ними сокращалось. Пять метров. Четыре.

— Играть в героя, — продолжал он, и в его голосе появилась сталь. — Играть в спасительницу. Играть в огонь, который освещает путь. Ты не спасаешь, Юлия. Ты тешишь своё эго. Помогаешь слабым, чтобы чувствовать себя сильной. Это не благотворительность. Это нарциссизм в красивой упаковке.

Что-то внутри Юли взорвалось.

— Ты ничего обо мне не знаешь! — закричала она, и голос её сорвался на визг, разнёсся по цеху, ударился о стены и вернулся искажённым. — Ничего! Ты не знаешь, через что я прошла! Не знаешь, что я видела! Не знаешь, почему я делаю то, что делаю!

Артём остановился.

В трёх метрах от неё.

Он посмотрел на неё долгим, холодным взглядом.

— Знаю, — сказал он спокойно. Слишком спокойно. — Я знаю о тебе *всё*, Юлия Волкова.

Он сделал ещё шаг.

Теперь между ними был метр. Может быть, меньше.

Юля инстинктивно попятилась — и её спина упёрлась в холодную металлическую поверхность станка.

Ловушка. Он загнал меня в ловушку.

— Я знаю, — продолжал он, наклоняясь к её лицу, — что твой отец, Глеб Волков, был одним из лучших адвокатов города. Пока его не подставили в коррупционном деле, которого он не совершал. Знаю, что твоя мать, Наталья Волкова, после инсульта прикована к постели и медленно умирает от лёгочной недостаточности.

Каждое слово падало на неё, тяжёлое, холодное, точное.

— Знаю, что у тебя на счету сто сорок восемь рублей. Знаю, что ты спишь на продавленном диване. Что твой чай — самый дешёвый пакетированный, который ты пьёшь без сахара, потому что сахар — лишняя трата.

Юля почувствовала, как перехватывает горло.

— Откуда...

— Я знаю, — перебил он жёстко, — что ты каждую ночь слушаешь, как твоя мать кашляет за стеной. Как твой отец плачет на кухне. Как ты лежишь и ненавидишь себя за то, что не можешь им помочь. За то, что твоя яркость, твоя помощь всему миру — не стоит ни гроша, когда дело касается твоей семьи.

— Заткнись! — крикнула Юля, толкая его в грудь обеими руками.

Он не сдвинулся с места.

— Заткнись! — повторила она отчаяннее, колотя кулака-

ми по его груди. — Ты ничего не понимаешь! Ты не знаешь, каково это — смотреть, как человек, которого ты любишь, умирает у тебя на глазах, а ты бессильна! Не знаешь, каково это — выбирать между лекарством и светом! Между едой и квартплатой! Не знаешь, каково это — быть одной против всего мира!

Голос сорвался. Грудь ходила ходуном. Слезы — горячие, горькие, предательские — потекли по щекам.

Она задыхалась. От рыданий. От ярости. От бессилия.

Артём молчал.

Просто смотрел на неё сверху вниз.

И в его чёрных глазах что-то дрогнуло.

Всего на секунду. На мгновение, которое можно было пропустить.

Но Юля увидела.

Там, на самом дне этой ледяной пустоты, горело что-то. Что-то тёмное. Голодное. Опасное.

Боль.

Он протянул руку.

Медленно. Почти нежно.

Коснулся её щеки — грубо, жёстко, большим пальцем стирая слезу.

Кожа на его пальцах была шершавой. Горячей. От этого прикосновения по телу пробежала дрожь.

— Я знаю, — сказал он тихо. Так тихо, что она едва слышала. — Я знаю, каково это. Лучше, чем ты думаешь.

Он убрал руку. Отступил на шаг.

Снова стал холодным. Недостигаемым. Чужим.

— У тебя есть проблема, — сказал он, и голос снова стал ровным, как лезвие ножа. — У меня есть решение. Ты готова его выслушать?

Юля вытерла слёзы тыльной стороной ладони. Кивнула, не доверяя голосу.

Артём повернулся. Прошёл к станку, рядом с которым стоял раньше.

На станке лежала папка. Чёрная. Кожаная. Дорогая.

Он взял её. Открыл. Достал несколько листов бумаги — белых, чистых, с печатью в углу.

Протянул их Юле.

— Читай.

Контракт

Юля взяла бумаги дрожащими руками.

Поднесла телефон ближе, чтобы осветить текст.

И начала читать.

ДОГОВОР №47

о временном предоставлении финансовой помощи

в обмен на выполнение условий

Дата заключения: 06.11.2026

Место: г. [—], Российская Федерация

СТОРОНА 1(Кредитор):

Громов Артём Викторович

Паспорт: [—]

Адрес: [—]

СТОРОНА 2(Заёмщик):

Волкова Юлия Глебовна

Паспорт: [—]

Адрес: [—]

ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА:

Кредитор обязуется предоставить Заёмщику денежные средства в размере **500 000 (пятьсот тысяч) рублей** в течение 24 часов с момента подписания настоящего Договора.

Заёмщик обязуется выполнять условия, изложенные в пунктах 3-12 настоящего Договора, в течение срока, определённого Кредитором в одностороннем порядке.

УСЛОВИЯ:

Пункт 3. Место проживания.

Заёмщик обязуется переехать на постоянное место жительства по адресу, указанному Кредитором, в течение 48

часов с момента подписания Договора. Отказ от переезда считается расторжением Договора с обязательством вернуть полученные средства в полном объёме в течение 7 дней.

Пункт 4. Контроль времени и перемещений.

Заёмщик обязуется согласовывать с Кредитором все выходы за пределы места проживания, указанного в п.3. Самовольное покидание территории без согласия Кредитора считается нарушением Договора.

Пункт 5. Ограничение коммуникаций.

Заёмщик обязуется прекратить публичную деятельность в социальных сетях, блогах и иных платформах на срок действия Договора. Нарушение данного пункта влечёт немедленное расторжение Договора с возвратом средств.

Пункт 6. Выполнение распоряжений.

Безусловное подчинение. Отказ от выполнения считается нарушением Договора.

Пункт 7. Конфиденциальность.

Заёмщик обязуется не разглашать содержание настоящего Договора третьим лицам, включая родственников, друзей и знакомых. Нарушение влечёт штраф в размере 1 000 000 (одного миллиона) рублей.

Пункт 8. Личная жизнь.

Заёмщик обязуется не вступать в романтические или сексуальные отношения с третьими лицами без письменного согласия Кредитора на протяжении действия Договора.

Пункт 9. Срок действия.

Срок действия Договора определяется Кредитором в одностороннем порядке и может быть прекращён по его усмотрению в любой момент без объяснения причин.

Пункт 10. Санкции за нарушение.

Любое нарушение условий Договора влечёт:

Немедленный возврат полученных средств;

Штраф в размере 200% от полученной суммы;

Отзыв медицинской помощи, предоставленной родственникам Заёмщика.

Пункт 11. Медицинская помощь.

Кредитор обязуется обеспечить матери Заёмщика, Волковой Наталье Ивановне, лечение препаратом «Aeroventin» в объёме 10 упаковок, что соответствует полному курсу лечения, назначенному врачом, при условии неукоснительного соблюдения Заёмщиком всех пунктов Договора.

Пункт 12. Расторжение.

Договор может быть расторгнут досрочно только по ини-

циативе Кредитора. Заёмщик не имеет права требовать расторжения Договора до истечения срока, определённого Кредитором.

Подписи:

Кредитор: _____ (Громов А.В.)

Заёмщик: _____ (Волкова Ю.Г.)

Юля дочитала до конца.

Перечитала ещё раз. Медленно. Вдумчиво.

С каждой строчкой что-то внутри сжималось сильнее.

Это не договор. Это купчая на рабыню.

Она подняла глаза на Артёма.

Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на неё холодно, бесстрастно.

— Ты... — голос сорвался. — Ты хочешь, чтобы я подписала это?

— Да.

— Это... это безумие, — прошептала она. — Ты хочешь купить меня. Как вещь.

— Нет, — возразил он спокойно. — Я хочу дать тебе выбор. Подписать или уйти. Никто тебя не держит.

Он кивнул в сторону выхода.

— Дверь там. Можешь развернуться и уйти прямо сейчас. Вернуться домой. К умирающей матери. К плачущему отцу. К блогу, который не приносит ничего, кроме лайков.

Пауза.

— Или, — продолжал он тише, — можешь подписать. По-

лучить пятьсот тысяч. Спасти мать. Дать отцу передышку. И заплатить за это своей свободой. Временно.

— На сколько?! — выкрикнула Юля. — На какой срок?!

— На тот, который я посчитаю нужным.

— Это нечестно!

— Жизнь нечестна, Юлия, — сказал он тихо, и в голосе прозвучала горечь. — Ты учила этому других. Теперь узнай сама.

Он шагнул к станку. Достал из внутреннего кармана пальто ручку — дорогую, тяжёлую.

Положил её рядом с договором.

— Решай.

Тишина.

Абсолютная. Мёртвая.

Юля стояла, сжимая листы бумаги, и смотрела на ручку.

Перед глазами проносились образы.

Мать. Её бледное лицо. Её кашель. Её слабая улыбка.

Отец. Его согнутая спина. Его слёзы. Его беспомощность.

Их квартира. Розовые квитанции. Холодильник, в котором ничего нет. Облупленные стены. Трещины на потолке.

148 рублей.

Это всё, что у меня есть.

Она закрыла глаза.

Прости меня, мама. Прости, пап. Я делаю это ради вас.

Она открыла глаза.

Взяла ручку.

Тяжёлую. Холодную.

Положила договор на край станка. Металл был ледяным — обжигающе холодным, пронизывающим ладонь.

Развернула на последнюю страницу.

Нашла строку: **Заёмщик:** _____

Рука дрожала так сильно, что первая буква вышла кривой.

Она стиснула зубы. Заставила руку слушаться.

Написала своё имя.

Волкова Ю.Г.

Подпись вышла размазанной, нетвёрдой, похожей на крик о помощи, записанный чернилами.

Она опустила ручку.

Закрыла глаза.

Всё. Я продалась.

Артём взял договор. Посмотрел на подпись. Кивнул коротко.

Достал телефон. Открыл банковское приложение. Несколько движений пальцем.

Телефон Юли в кармане завибрировал.

Она медленно, словно во сне, достала его. Посмотрела на экран.

Сбербанк

Поступление: +500 000,00 #

Отправитель: Громов А.В.

Назначение: По договору №47

Цифры светились на экране — яркие, чёткие, реальные. Пятьсот тысяч.

Юля смотрела на них и ничего не чувствовала.

Ни радости. Ни облегчения. Только безысходность. Холодную.

Липкую.

Бездонную.

— Деньги твои, — сказал Артём, убирая договор в папку.

— Завтра утром купишь лекарство. Оплатишь долги. Скажешь родителям, что нашла хорошую работу. Что уезжаешь на несколько месяцев. Что будешь присылать деньги.

Юля кивнула механически.

— А потом? — голос Юли был едва слышен.

— А потом я приеду за тобой, — сказал он. — Собери вещи. Не много. Только самое необходимое. Всё остальное тебе больше не понадобится.

— А если... — голос сорвался. — Если я передумаю?

Артём посмотрел на неё долго. Холодно.

— Не передумаешь.

Он развернулся и пошёл к выходу.

Остановился у порога. Обернулся.

— И, Юлия, — голос стал тише, опаснее. — Не пытайся

обмануть меня. Не пытайся сбежать. Не пытайся рассказать кому-то. Я узнаю. Всегда узнаю. И тогда твоя мать не получит ни одной ампулы лекарства. Она умрёт в течение недели. Мучительно. А ты будешь знать, что это твоя вина.

Он исчез в темноте.

Шаги затихли.

Осталась только тишина.

Юля стояла посреди пустого цеха.

Под мёртвыми станками. Под дырявой крышей, сквозь которую сочился лунный свет.

Прижавшись спиной к холодному металлу.

С телефоном в руке.

С пятьюстами тысячами на счету.

И со страхом внутри.

Она медленно, очень медленно сползла по станку вниз. Села на холодный бетонный пол. Обхватила колени руками. Уткнулась лицом в них.

Слёз не было.

Был только этот липкий ужас.

Я продала себя.

Не тело. Свободу. Право выбирать. Право быть собой.

Я продала душу, чтобы спасти мать.

Ветер завывал в выбитых окнах. Где-то скрипела ржавая

вывеска. Капала вода из дыры в крыше.

А Юля сидела на полу заброшенного завода и шептала:

— Что я наделала...

Ответа не было.

Только эхо повторило её слова и растворилось в темноте.

Где-то на другом конце города, в пентхаусе на двадцать пятом этаже, Артём стоял у панорамного окна.

В руке — бокал виски, которого он так и не пил.

На лице — выражение, которое нельзя было назвать ни триумфом, ни удовлетворением.

Просто ничего.

Он смотрел на огни ночного города. На ту точку, где находился завод. Где сейчас сидела она — сломленная, потерянная, его.

И думал:

Почему мне не легче?

Я получил то, что хотел. Почему внутри так же пусто, как и одиннадцать лет назад?

Он сжал бокал так сильно, что хрусталь треснул.

Осколки упали на пол.

Виски пролился на дорогой паркет.

А он продолжал стоять и смотреть в темноту

Глава 6

Глава 6: Утро после сделки

Солнце не пришло.

Юля открыла глаза в половине седьмого утра — не потому, что выспалась, а потому, что тело отключилось от бодрствования. Сон не был сном. Это было провалом в темноту, из которой она вынырнула с ощущением, что утонула и её вытащили на берег слишком поздно.

Первое, что она почувствовала — опустошение.

Не то, которое приходит после бессонной ночи, когда разум ещё сопротивляется, а тело уже сдалось. Другое. Более глубокое. То, что врастает в кости и остаётся там навсегда. Человек, который перестал принадлежать себе.

Она лежала на старом диване, укрытая тонким одеялом, которое не грело, и смотрела в потолок. Трещина всё так же расползлась по бетону — тёмная, ветвящаяся, похожая на молнию, застывшую в момент удара. Сколько она её видела? Тысячи раз. С детства. Эта трещина была свидетелем всей её жизни.

Интересно, она будет здесь, когда меня не станет?

Юля зажмурилась. Попыталась убедить себя, что это был сон. Кошмар. Что она не ездила на завод. Не подписывала договор. Не продавала себя.

Но тело помнило.

Помнило холод металлического станка под ладонями. Запах ржавчины и мазута. Его голос — низкий, обволакивающий, опасный. Его пальцы, стирающие слезу с её щеки.

«Ты отдашь мне себя».

Она открыла глаза.

За окном было серое, давящее утро. Ноябрьское небо висело над городом тяжёлым пологом, из которого не пробивалось ни одного луча. Однородная масса свинцового цвета, которая делала мир плоским, лишённым теней и глубины.

Подходящее утро для конца.

Юля медленно, будто её тело весило тонну, приподнялась на локтях. Каждое движение давалось с усилием — мышцы налились свинцом, суставы скрипели, в висках пульсировала тупая боль.

Она посмотрела на тумбочку. Телефон лежал экраном вверх — она специально положила его так.

Экран светился в полумраке комнаты холодным белым светом.

Она взяла телефон. Разблокировала. Открыла банковское приложение.

Баланс: 500 000,00 #

Пятьсот тысяч.

Цифры, которые вчера казались спасением, теперь горели на экране, как клеймо. Каждая копейка из этих денег имела свой вкус — горький, металлический, с привкусом тлена.

Юля сжала телефон так сильно, что пластиковый корпус затрещал.

Что я наделала?

Вопрос бился в голове, как птица в клетке. Она перебирала в памяти каждое слово, сказанное на заводе. Каждый его взгляд. Каждую паузу. Договор, который она подписала. Пункты, которые превращали её в собственность.

Пункт 3. Место проживания.

Пункт 4. Контроль времени и перемещений.

Пункт 8. Личная жизнь.

Она закрыла глаза, надеясь, что темнота за веками окажется спокойнее. Но там было только это — его взгляд, его силуэт, его голос.

«Ты будешь моей, пока я не решу иначе».

Юля резко села. Откинула одеяло. Босые ноги коснулись холодного линолеума — от прикосновения по телу пробежала дрожь.

Она обхватила колени руками. Сидела так, покачиваясь взад-вперёд, пытаясь успокоить дыхание, которое сбивалось, становилось частым, поверхностным.

Паника. Это паническая атака. Дыши. Просто дыши.

Она попыталась. Вдох — медленный, через нос. Выдох — через рот. Ещё раз. Ещё.

Не помогало.

В груди разрасталось что-то горячее, удушающее. Ком, который нельзя было проглотить. Который давил на диафрагму, не давал набрать воздух полной грудью.

Юля вскочила. Босиком, в одной футболке и трусах, пробежала в ванную. Упала на колени перед унитазом. Открыла рот, ожидая, что её вырвет.

Ничего.

Только сухие спазмы, разрывающие пустой желудок. Она не ела почти сутки. Не могла. Горло было сжато так, что глотать было больно.

Юля сидела на холодном кафельном полу, обхватив унитаз руками, и слушала, как где-то в трубах капает вода. *Кап. Кап. Кап.* Монотонно. Безжалостно. Отсчитывая секунды её новой жизни.

Она подняла голову. Посмотрела в зеркало над раковиной.

На неё смотрело чужое лицо.

Бледное — не просто бледное, а серое, цвета бетона. Под глазами тёмные круги — фиолетовые, глубокие, будто кто-то ударил её кулаком. Губы потрескались, кожа на скулах натянулась так, что проступили кости. Волосы спутались, торчали в разные стороны рыжим, тусклым облаком.

И глаза.

Зелёные. Всегда яркие, живые, горящие — такие, что люди говорили: *«У тебя такие необычные глаза, как изумруды»*.

Сейчас в них не было огня.

Только пепел.

Серый. Мёртвый. Тот самый, который остаётся, когда всё сгорело дотла.

— Ты это сделала, — прошептала она своему отражению.

— Ты сама выбрала это.

Голос был чужим — хриплым, надломленным, похожим на голос человека, который кричал всю ночь.

Юля отвернулась от зеркала. Не могла на себя смотреть.

Она поднялась с пола. Умылась холодной водой — плеснула на лицо горстями, пытаюсь смыть этот привкус пепла, который стоял во рту. Не смылся.

Вытерлась старым полотенцем. Вышла из ванной.

В коридоре пахло лекарствами и чем-то кислым — запахом болезни, который вьелся в обои и не выветривался никогда.

***

Когда Юля вошла на кухню, отец уже сидел за столом.

В той же позе, что и всегда — сгорбившись, со стопкой розовых квитанций перед собой, которые он перебирал медленно, как карты, надеясь, что в этот раз они сложатся в выигрышную комбинацию.

Не складывались.

Он не поднял головы, когда она вошла. Просто продолжал смотреть на цифры — пени, проценты, суммы долгов. Волосы его были растрёпаны. На лице — щетина, которую он не

брил уже дня три.

Юля остановилась в дверях. Смотрела на него несколько секунд.

Когда-то он был другим. Сильным. Красивым. Тем, на кого оборачивались женщины. Тем, кто выигрывал дела в суде одной силой своего присутствия.

Теперь перед ней сидел сломленный старик.

— Доброе утро, пап, — сказала она тихо.

Голос прозвучал почти нормально. Почти. Только чуть хрипло.

Он поднял голову. Посмотрел на неё. И тут же нахмурился.

— Юль... — начал он, и в голосе была тревога. — Ты... ты не спала?

— Спала, — соврала она, подходя к столу. — Просто плохо.

Она села напротив. Квитанции лежали между ними, как баррикада.

Отец смотрел на неё долго. Слишком долго. Изучал лицо — бледное, с кругами под глазами, с потрескавшимися губами. Смотрел в глаза, пытаясь найти там что-то знакомое.

Не нашёл.

— Юля, — сказал он медленно, осторожно, как говорят с человеком на краю обрыва. — Что-то случилось?

— Нет, — ответила она быстро. Слишком быстро. — Всё в порядке.

Пауза.

Он не поверил. Она видела это по тому, как его челюсть напряглась, как пальцы сжали край квитанции.

— Юля, — повторил он тише. — Я твой отец. Я вижу, что с тобой что-то не так. Скажи мне. Пожалуйста.

Она не могла на него смотреть. Опустила взгляд на стол, на свои руки, лежащие на коленях. Заметила, что они дрожат. Сжала их в кулаки.

— Пап, — начала она, и голос сорвался. Она откашлялась. Попробовала снова. — У меня есть деньги.

— Откуда?

Юля подняла голову. Посмотрела ему в глаза.

И соврала.

— Блог. Помнишь, я говорила, что он приносит доход? Мне предложили сотрудничество. Крупный благотворительный фонд. Они увидели мою работу. Оценили. Предложили контракт. Заплатили аванс.

Слова лились из неё легко, на автомате. Она отрепетировала эту ложь всю ночь, пока лежала в темноте и не могла заснуть.

Отец смотрел на неё.

Долго.

Не моргая.

И она видела — *видела* — как в его глазах что-то меняется. Как надежда вспыхивает и тут же гаснет. Как он понимает, что она врёт. Как он принимает решение — не спраши-

вать. Не копать. Не узнавать правду, потому что правда будет хуже.

— Сколько? — спросил он наконец.

— Достаточно, — ответила Юля. — Я куплю лекарство для мамы. Заплачу за свет. Погашу часть долгов. Ты сможешь... дышать. Хотя бы немного.

Он закрыл глаза.

Его губы задрожали. Руки, лежащие на столе, сжались в кулаки так сильно, что костяшки побелели.

Когда он открыл глаза снова, в них стояли слёзы.

— Спасибо, Юленька, — прошептал он. — Спасибо тебе.

Слова вышли надломленными. Каждое давалось с усилием, будто он выталкивал их из горла, перекрытого спазмом.

Юля не выдержала этого взгляда.

Она резко встала. Отвернулась к окну, где серое небо давило на город, делая всё плоским и безнадёжным.

— Я сейчас схожу в аптеку, — сказала она, глядя в окно, а не на отца. — Куплю «Aeroventin». А потом...

Пауза.

Долгая.

— Потом мне нужно будет уехать.

Тишина за спиной стала ещё плотнее.

— Уехать? — переспросил отец тихо. — Куда?

Юля сжала подоконник руками. Холодный пластик впился в ладони.

— По работе. Фонд... у них есть офис в другом городе.

Они хотят, чтобы я там работала. Координировала проекты на месте. Это временно.

Ещё одна ложь. Ещё один слой, который ложился на предыдущие, погребая правду всё глубже.

— На сколько? — голос отца был ровным. Слишком ровным.

— Не знаю, — призналась она. — Пока не знаю.

— Когда?

— Сегодня. Через несколько часов.

Она услышала, как он резко вдохнул. Как стул заскрипел — он встал.

Шаги. Медленные. Тяжёлые. Приближающиеся.

Он остановился за её спиной. Не касался. Просто стоял там, в полуметре, и она чувствовала его присутствие — тёплое, знакомое, родное.

— Юля, — сказал он, и в голосе была мольба. — Скажи мне правду. Пожалуйста.

Она зажмурилась.

Не могу. Если скажу — ты попытаешься остановить. А я не могу остановиться. Мама умрёт.

— Это правда, пап, — прошептала она. — Я правда нашла работу. Хорошую работу. Я буду присылать деньги. Много. Вы сможете... жить. Нормально. Без этих проклятых квитанций.

Молчание.

Потом она почувствовала его руки на своих плечах. Тёп-

лые. Дрожащие.

Он развернул её к себе. Медленно. Осторожно.

Посмотрел ей в глаза.

И она увидела там всё.

Он *знал*.

Не подробности. Не имена. Не договор. Но он знал, что она врёт. Что она делает что-то опасное. Что она жертвует чем-то важным ради них.

И он ничего не говорил.

Потому что был слишком сломлен, чтобы остановить её. Потому что деньги были нужнее правды. Потому что он был трусом — и знал это, и ненавидел себя за это.

Юля видела всё это в его глазах.

И это было невыносимо.

— Пап... — начала она, но голос сорвался.

Он обнял её.

Крепко. Отчаянно. Так, как обнимают в последний раз.

Его тело было худым, костлявым. Она чувствовала его лопатки под свитером, позвоночник, каждое ребро. Он пах старым свитером, невымытыми волосами и отчаянием.

— Возвращайся, — прошептал он ей в макушку. — Что бы ни было. Куда бы ты ни пошла. Возвращайся, Юленька. Пожалуйста.

Она не ответила.

Не могла.

Потому что это была бы ещё одна ложь.

А лгать, когда он её обнимает, было бы хуже всего.

***

В аптеку она шла, сжимая в кармане рецепт.

Аптека была той же, что всегда — маленькая, с пожелтевшими ценниками и запахом антисептика. Провизорша — пожилая женщина в белом халате, с очками на цепочке — сидела за стойкой и листала журнал.

Юля подошла. Достала из кармана рецепт — истрёпанный, согнутый по краям листок, который отец носил с собой месяц, надеясь, что когда-нибудь они смогут его использовать.

— «Aeroventin», — сказала Юля механически. — Десять упаковок.

Провизорша подняла голову. Посмотрела на неё поверх очков.

— Дорогое лекарство, девушка, — заметила она. — Швейцарский заказ, его редко завозят. Сорок тысяч за упаковку. Вы уверены?

— Знаю.

Женщина ещё раз посмотрела на неё — изучающе. Достала из сейфа десять коробок. Серебристый картон, голограммы, которые переливались под светом ламп, как чешуя дорогой рыбы, и чёткое тиснение «Aeroventin» на каждой.

Юля стояла у стойки и смотрела на свои руки. Они лежали на стекле, бледные, с красными полумесяцами на ладонях от ногтей.

Эти руки подписали договор. Эти руки продали меня.

Провизорша начала складывать пачки в белый пакет. Одну. Вторую. Третью.

Спасение её матери. Оплаченное кровью.

Юля приложила карту к терминалу.

Писк.

Списано: 400 000,00 #

Провизорша протянула пакет через стойку.

— Берегите маму, — сказала она неожиданно мягко.

Юля взяла пакет. Кивнула, не доверяя голосу, и вышла на улицу.

Холодный ноябрьский воздух ударил в лицо. Она прислонилась спиной к стене аптеки, медленно сползла вниз и села прямо на холодный тротуар, прижимая пакет с лекарством к груди. В горле стоял ком. Дыхание сбивалось. Перед глазами всё плыло.

Ты купила ей жизнь.

Ценой своей.

Прохожие смотрели на неё — кто-то с любопытством, кто-то с осуждением. *Наркоманка, наверное. Или пьяная.* Юля не замечала.

Она сидела, обхватив пакет руками, и представляла мать. Её улыбку. Её руки, гладящие волосы. Её голос: *«Ты у меня особенная, Юленька».*

Она купила матери ещё минимум полгода жизни.

Стоило ли оно того?

Она не знала.

Но выбора уже не было.

***

Дома отец ждал её в коридоре. Юля открыла дверь своим ключом — он повернулся в старом замке с сухим щелчком. Она сразу, не давая себе ни секунды на колебания, протянула ему тяжёлый пакет из аптеки, а затем свою банковскую карту.

— Здесь лекарство для мамы на несколько месяцев вперёд, — её голос звучал глухо и монотонно. — И на карте осталось ещё сто тысяч. Пап, оплати счета. Купи ей нормальной еды. Фрукты, мясо... всё, что она попросит.

Он взял пакет, не говоря ни слова. Руки дрожали, когда он доставал первую серебристую пачку. Смотрел на неё долго — на холодный блеск картона, на иностранные буквы — будто в этой маленькой коробке была заключена вся жизнь его жены.

— Спасибо, — выдохнул он, и его голос сорвался. — Спасибо, Юль.

Она лишь коротко кивнула, не в силах смотреть ему в глаза.

Пока отец ушёл в спальню, и Юля слышала, как он разговаривает с матерью тихо, успокаивающе, как шуршит упаковка и как мать кашляет — слабо, надрывно, — она прошла в свою комнату.

Достала из-под дивана старую спортивную сумку — чёр-

ную, с оторванной ручкой. Начала собираться. Немного. Только самое необходимое: два свитера, джинсы, бельё. Всё, что поместилось в одну сумку. Всё, что поместилось в её прошлую жизнь.

Она оглядела комнату. Диван, на котором спала последние годы. Стол у окна, за которым писала посты, работала, плакала по ночам. Полка с книгами — их осталось мало, большую часть продали. Плакат на стене — выцветший, с оторванным углом — с цитатой, которую она любила в шестнадцать: *«Будь собой. Остальные роли заняты»*.

Ирония.

Юля сняла плакат со стены. Аккуратно свернула. Положила в сумку.

Последнее, что она взяла — фотографию в рамке, стоящую на тумбочке. Семейное фото, сделанное двенадцать лет назад, до того, как всё рухнуло.

Мать — красивая, здоровая, с длинными тёмными волосами. Отец — статный, в костюме, с уверенной улыбкой. И она — девятилетняя, в школьной форме, с двумя рыжими косичками и огромной улыбкой.

Мы были счастливы тогда.

Юля вытащила фото из рамки. Положила в карман. Рамку оставила — пустую, как символ.

Застегнула сумку.

Телефон завибрировал.

Она достала его.

Незнакомый номер:

«Жду. Выходи через час. Чёрный внедорожник у подъезда».

Глава 7

Глава 7: В пасти зверя

Дверь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.